

84Р6К
0-23

«ОБРАЗ»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
№ 2 2018 г.



Кемерово
Офсет
2018

16+

мед. 7-31-45

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

«ОБРАЗ»

литературный альманах

№2(18) 2018г.



Кемерово
Офсет
2018

101019(1)

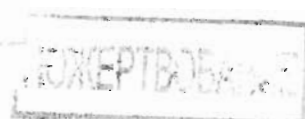
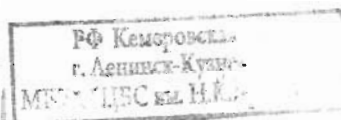
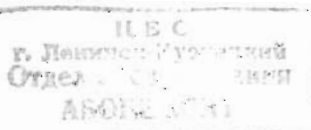
Содержание:

Поэзия

Ли Гевара.....	3
Андрей Дмитриев	7
Ольга Скорлупкина	13
Юрий Татаренко	30
Анна Гедымин	36
Сергей Шилкин	40
Аля Карелина	62
Иван Медведев.....	66
Инна Домрачева	70
Наталья Борисова	82
Катерина Скабардина-Столбинская.....	85
Оксана Ралкова	89
Тамара Кузнецова.....	95
Юлия Сливина	99

Проза

Александр Титов	18
Лев Григорян.....	46
Женя Декина	74





Ли Гевара – севастопольский поэт, актриса, «Человек из Кемерово» по Гребеншикову и по факту.

Член Союза литераторов России, Государственный стипендиат в номинации «Талантливый молодой автор России», лауреат фестивалей («Пристань менестрелей», «Филатов-фест», «Мицери», «Петербургский ангел», «Всемирный день поэзии» и др.),

Ли Гевара г. Севастополь

Точка – тире – осень

Если осень – это брызги солнца в стёкла,
в приопущенные веки занавесок,
то зачем тогда под облачным навесом
всё равно она – хорошая – промокла?

Если осень – это шаткие ступени
из разохшихся солёных струн причала,
то зачем она – хорошая – кричала,
когда прочие – заботливые – пели?

Если осень – просто груда жёлтой пыли,
то зачем-то станет что-нибудь не жёлтым.
Брызги будут – снега. Будет что-то,
чтоб она – хорошая – остыла.

И тогда коснутся пальцы – без прелюдий –
струн, каких уже давно не носят...
Просто было что-то – очень осень –
что она – плохая – не забудет.

Одолень-трава

Солнце вымигнуло, стесняясь, в прорезь облачных врат.
Кто сказал, что я воин? Кто сказал – я солдат?
Из ночи в день я несу на шее солнышко коловрат,
точно уже с ума
третий десяток лет
сама себе враг и щит.
Да хранит он меня в бою.

Больно знакомый профиль вымазал
пламенем небеса.
В объятья твои по Млечному вылезу.
Не помогай – сама.
Как это вынести,
выскрести,
перевести
молчание в голоса?..
Вместо тебя – тьма.
Вместе с тобой – свет.
В нём шёпот мой разыщи –
и я для тебя спою.

Сбереги меня, одолень-трава. Сбереги.
Обними меня, одолень -трава, от борьбы,
отними меня, отдали от хромой беды,
сжавшей ржавый клюв на моём запястье.
Её зубы остры, аки ножи, ну а я слабак.
Я не жну плодов, да и сею соль с лица и табак.
Соль-мажорное на людях выжметя кое-как –
ли-минор в грудине гвоздём останется.

Всё пройдёт, всё пройдёт – заклинанье в огонь несу я
на ладони, бережно, как твоё имя – всуе.
Ты ещё увидишь, как я за тебя станцую,
если буду носить на шее твой коловрат.

Папочка, ты, конечно же, там рисуешь?
Откуда иначе взялся такой закат?..

"УКРАИНИАДА"

(Евромайдану посвящается)

Шутов хоронят за оградой
под металлический набат.
Сооружайте баррикады –
куда ж в войну без баррикад?

Рядите города в блокады,
сжигайте шины – пусть горят.
Идёт реакция распада.
Историк! Не пером – гранатой
создастся "Украиниада",
альтернативный вариант.

Свой фетр бросая грациозно
(срывая с головы дуршлаг),
вкушай кровавый хмель на розлив,
о рыцарь деревянных шпаг.

Страна больна сальмонеллёзом
и дышит в маску, кое-как.
Покуда бьёмся лбами оземь,
танцую регги на морозе,
по трону задницей елозит
запатентованный дурак.

Война сегодня – добрый повод
для тех, кто мелочен и слаб,
пустить по будням мощный залп
и вспомнить: «Я так зверски молод!

Во мне есть силы и азарт
бросаться камнем или словом
в подорванный кордон столовой,
дабы хлебнуть халявный чай
и сделать фото невзначай,
что разлетится по просторам
с комментариями – вот жжОт фотограф! –
или на кухне, под "молдову",
твердить: я был там! Я солдат!»
На пепелище потасовок
солдаты нынче нарасхват...

А помнишь милое безделье,
слоняющееся в метро?
Как в искрах пятничных костров
сжигали смуту понеделья,

и пах предчувствием апреля
нам каждый камешек дорог?..
В пыли гитары менестрелей.
А менестрели, взяв шинели,
идут под музыку шрапнели –
идут на смерть, сбиваясь с ног...

Боец распродаёт награды.
Богач бросается с моста.
Ребята мрут за клоунаду –
достойная, видать, мечта.

Сооружайте баррикады!
Не канет в Лету красота –
преграда порастёт балладой
о мире, где под гимн и ладан
шуты хоронят за оградой,
построенной рукой шута.



Андрей Дмитриев. 1976 года рождения.

Окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института.

Обозреватель областной газеты «Земля нижегородская».

Член Союза журналистов РФ. Публиковался: «Точка Зрения» и «Литература», журналах «Нева», «Дружба народов», «Бельские просторы», «Нижний Новгород», «Гвидеон», «Луч» и других.

Андрей Дмитриев
г. Цивжский Новгород

И было слово.
И было солоно
на губах, словно
выпито море
со всеми его аллегориями
и приметами шторма,
что всё время – так скор и
так – с корнем
вырван из горла –
как окрик
грубого часового
за колючей проволокой
горизонта, где слово –
это основа
долгого
взгляда в суть речи –
со стремлением встретить бога
или хоть что-нибудь бесконечное...

И было слово.
И были совы
над лесом сосновым –
будто бы невесомые.
Но всё, что ты смог –
внести прелый мох
на ладони
в облезлый подъезд.
Вот, мол, бедовые –
только мох-то и есть –
оправдание дна оврага,
где собирается влага
и скорченная коряга
напоминает ящера,
вымершего до пращура,
но норвящего
прыгнуть стрелой в чашу.

И было слово.
И было снова
заглажено чувство скола,
по которому делятся стороны
света. Сосед репетирует соло
на сломанной
скрипке, и сонный
дом – перебирает сорные
травы разбитого инструмента.
Так пролетает лето –
вслед за совами –
и пусть на губах твоих солоно
и скоро – увы, уже скоро –
всё это будет взорвано –
даёшь себе слово,
снова даёшь себе слово...

Геометрия
окна –
ветром
полна.
Однако –
прочь
все эти рамки.
Ночь –
как ночь –
даже в масштабах
пространства,
где небесная швабра
часто-часто
работает по углам,
гоняя вчерашний хлам –
так, что рука
дежурного по верхам –
высекает молнии.
Внизу –
згухают волны
будней и зуд
насущных
потребностей.
Всё, что на сушу
вышло из бездны –
приняло форму
холодного камня
или фарфора
на полочке в спальне.

Слух –
острее.
Стук
сердца – режет
из-под ребра

мякоть,
что стала груба
в хлебе из злака,
срезанного под корень
и запечённого в плоть.
Но кто-то же любит корку,
выхватив целый ломоть...

Вот так —
тик-так,
тик-так,
тик-так...
Впрочем, нет механизма
с пружиной и шестернёй
в призме
новых часов,
отменивших старьё.
Теперь микросхема —
и есть вселенная,
что щурится через стекло.

Чай —
ещё крепок,
ещё горяч, но сейчас
это — нелепость
в условиях
сухости формул,
когда в окне, нарисованном —
в качестве форы
очерченного объёма —
сгущается тьма.
И лишь чувство дома —
окунает в купель дитя.

В широкополой шляпе
и ветхом плаще
легко показаться шатким
в мире вещей
героем психологической прозы –
неузнанным и сухим
на нитке постной,
сшивающей лоскутки
каких-то аллюзий
и низколетящих смыслов.
Катишься шариком в лузу
от борта, где размазали хоккеиста
из известной команды,
пенча: и всё-таки – она вертится.
С ломкой загадкой взгляда,
с нарывающим заусенцем...

Серый, сутулый, нескладный –
разбившийся на абзацы,
в диапазоне – от Гоголя до Сартра –
и шире – до автостанции,
где пишется на коленке
провинциальным автором
повесть о маленьком человеке
пока возится с радиатором
водитель в тельняшке.
Эдакий Мышкин –
бедняжка
прямиком из Швейцарии, где не вышло
полностью излечиться –
вот и дивишься тополиному пуху –
дескать, из крыльев ангельских. Чисто –
лопух лопухий
возле бабушкиного забора
в селе, позабывшем имя

своё, но запомнившем вора,
что, видя добро, никогда не проходит мимо.

Встанешь у зеркала –
шляпа на лоб, за воротом
терпко дымится сера,
и сердце встревоженным вороном
уже готово для крика...
«Доброе утро, последний герой», –
скрипнет виниловая пластинка
под иглой,
на которой теперь Виктор Цой...



Оля Скорлупкина родилась и живёт в Петербурге, закончила филологический факультет РГПУ им. Герцена. Выпустила два сборника стихотворений: "Вольная страсть/Добровольная мука" (2011) и "Ради чёрного словца" (2017). В этом году вошла в шорт-лист Волошинского фестиваля. Ведёт в контакте сообщество "Орден Кромешных Поэтов" и онлайн-журнал в содружестве с проектом «Живые поэты».

Ольга Скорлупкина
г. Санкт-Петербург

Memento mori

Начинает обычно издалека,
Долго руку в ночи заносит:
То соседский ребёнок объестся лекарств,
То разбросан состав на откосе.

Подкрадётся вплотную, прихлынет вдруг,
Полыньи свои разверзая:
То из комы гулять не выходит друг,
То подруга лежит босая.

Ледяная, куда тебя целовать?
Как условились люди об этом?
В лоб? А в щёку? Пустая твоя голова
Вся теперь – остывшее лето.

И последний шаг остаётся ей,
Расстоянье уже в полслова.

обглодала и висельников, и царей
И всецело ко мне готова.

Коридоры зеркальные вглубь больниц
Простираются: то надежды
Отражая посадочные огни,
То словечки *умру*,
отрежут.

Детское

Заблудившись друг в друге, как в снежном
лесу,
И друг в друга вмерзая - не выговорить -
Люди добрые крутят назад декабри
И, дойдя до предела, про детство несут

Несусветную чушь, акварельный бред,
Словно вместо нутра у них калейдоскоп
Продырявленный, сыплющий всюду с тоской
Горсти дней карамельных и солнечных лет.

Я в четыре на море кромсала медуз,
А я в восемь стрелял у грузинских солдат
Сигареты, а я попросила мне дать
Роль танцующей белочки в детском саду.

Этот шрам на груди - это велосипед.
А мне дверью заехало по голове.
Нас пугали маньяки. А нас - человек,
Во дворе певший песенку сам по себе,

Пауки, чёрный пудель, английский фольклор,
ВИД и то, что однажды все просто умрут.
Всё разбилось, и ринулась прыткая ртуть,
Я был в девочку в синем тревожно влюблён.

Снилась страшная маска на красном балу,
И всё это задолго до По и других.
Ты следил, чтоб вставать только с той ноги?
А ты делала домик в углу?

...углубляются в лес, рассыпая кругом
Разноцветные искры, секреты и смех,
Полчища деревянных игрушечных змей,
Скандинавские сказки, заброшенный дом.

Углубляются в лес, и смыкается ночь.
В темноте, где руке не нащупать руки,
Подступают болотные огоньки.
Люди добрые, что теперь делать одной

С этим грузом, сокровищем, болью, ярмом,
С этим детством чужим, пропитавшим насквозь
Горькой пеной морской, колокольной Москвой,
Аппликацией, танцами, вольной борьбой?

С этой рифмой плохой на обрыве сидеть,
Свесив ноги - над белой страницей в ночи.
След из стёклышек тянется, мальчик кричит -
От того, что он это и есть людоед.

Крыша

Там, где заканчивался дом,
В сиявший пустотой проём
Горячим чёрным лепестком
Влетела крыша.
Наш молодой и пёстрый сброд
Сорвал печать, ушиб ребро
И выразился серебром
И взял и вышел.

Летело небо мимо нас,
Катилась кубарем весна,
Воркуя, лился лимонад
В настойку с перцем...
Спешили к краешку слова,
Ходила кругом голова,
И в сердце пламенный провал –
В огромном сердце.

Всё витражами застеклил
Закат, не трогавший земли,
И то, что надорвать могли,
Мы надорвали.
Я, свесив кеды, на краю –
Нагретом облаке в раю –
Но вот шумят, грозят, снуют,
Ребята, валим.

И мы свалились и летим,
Не раскрывается наш стих,
Лишь неисправно шелестит
Он, весь запутан...
А до земли подать рукой,
Во рту катая языком
Молчанья золочёный ком –
Таблетку будто.

Остранение

А перед сном притаскивают мне
Дырявой памяти худые сети,
Как в школе музыкальный кабинет
Располагался в бывшем туалете.

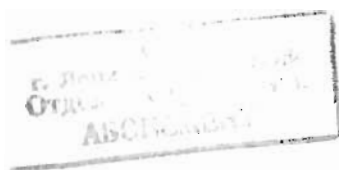
На входе вместо раковин скрипел
Огромный, нотным жемчугом набитый

Сервант. Во всей повешенной толпе
Мне нравился Бетховен композитор.

Туда, где унитазам трём стоять
Предписывал характер помещенья,
Вписалось фортепьяно, стул и я,
Барахтаясь на странной этой сцене.

Учительница лилией цвела
В оставшемся пространстве санузла
И колыхалась волнами в дремоте,
Приоткрывая глаз на скверной ноте.

Отпущенное время истекло,
Но музыки полно нечто иное:
Окно закрашено, белым-бело,
И мой сурок со мною.





Александр Титов родился в 1950 году в селе Красное Липецкой области, окончил Московский полиграфический институт, Высшие литературные курсы. Публиковался в журналах «Подъем», «Волга», «Север», «День и Ночь», «Литературная учеба», «Новый мир» и др.

В настоящее время живет в родном селе Красное, райцентре Липецкой области.

Александр Титов **г. Липецк**

Дом сестры

Она любуется прозрачным свежим мёдом, подняла баночку вверх.

Калганов невольно засматривается на желтое, с красным отливом сияние. Что-то живое, притягательное в этом мёде: каждую капельку душистого нектара принесли на лапках пчёлы. Светится, мерцает бесконечный труд, вместившийся в пол-литровую банку. Мать велела отнести гостинец, хоть какой-нибудь, застыдила, разругала: совсем забыл родную сестру! Вручила эту банку с мёдом, и получается, вроде бы по делу пришел.

- Как хочется мёда! - восклицает она тихим звонким голосом, улыбается. - Хотя бы только лизнуть... Нельзя, доктор не велел, у меня аллергия.

- Ничего не знаю, - ворчит Калганов, - бабушка велела...

Давно не видел он сестру, не разговаривал с ней со дня ее странной свадьбы. Мать тоже не давала покоя:

сходи к ней! Ты как-никак родной брат, покажись хотя бы, скажи приветное слово,

«А почему я должен ходить? - возмутился Витька. - Она сама ушла из нашего дома».

Мать не отставала: иди, посмотри новый дом - настоящий коттедж из трех комнат. И вот он пришел, увиделся дом. Обыкновенный, стандартный, каких много построено в этом году на окраине поселка. Появилась даже улица, названная Солнечной, свежая изгородь из штакетника. В палисаднике, в густой траве, строительный мусор, осколки кирпича. Сереге некогда убирать - работает на комбайне, докашивает хлеб, сестра беременна, у нее заметный живот.

Калганов подошел к стене, погладил шероховатую кладку. Курчавился темный, не совсем просохший цемент. Чувствовался запах кирпичной кладки, свежеструганного дерева, нагретого солнцем шифера.

Сестра была во дворе, слушала магнитофон, который купил для нее муж, чтобы не скучала день-деньской. Увидев брата, щелкнула кнопкой, выключила музыку.

Калганов поздоровался, неловко отвел взгляд в сторону - почему то неприятно было смотреть на ее большой, нелено вынытившийся живот.

Она обрадовалась, поблагодарила за мед, вот тут и сказала брату про аллергию, как будто раньше не могла сказать той же матери или бабушке... Хотела угостить брата чаем, но Витька отказался: некогда распивать чай, он просто так, на минутку зашел. И мысленно добавил: поглядеть на тебя! Беременность изуродовала фигуру сестры, но лицо ее посвежело, покруглело, как наливное августовское яблоко. Он потихоньку исподлобья разглядывал ее, и видел, что она, несомненно, похорошела, к тому же слегка подкрасилась, вспушила волосы. Платье на ней было новое, просторное, какие носят молодые беременные

женщины, свободно развеваемое, теплым ветром. «Некрасивых женщин вообще нет, - подумалось ему. - Каждая из них, если захочет, может стать симпатичной, загадочной, необыкновенной. Они как-то могут, умеют показаться».

Он шмыгнул носом: вот ведь как неожиданно сообразил про этих самых женщин. Оттого, наверное, что редко о них думает.

- У нас есть щенок, зовут Тяпа! - сказала сестра. - Круглый такой, пушистый... Тяпа, Тяпочка, где ты?

Витька избегал встреч с молодоженами, видел их изредка, когда они приходили в гости к ним домой. Он в это время всегда находил повод увильнуть от семейного ужина и куда-нибудь уходил.

Была, наверное, в его сестре какая-то притягательность, тайна, если такой парень, как Серега, полюбил ее.

- Как жизнь? - спрашивает Витька, вглядываясь в розовеющее лицо.

- Нормально... - Она пожимает плечами, задумчиво глядит вдаль.

За оврагом начинается поле, а дальше лес, тронутый желтизной в верхушках берез. Сестра смотрит на скошенное поле, о чем-то думает. Этот слишком уж задумчивый взгляд не нравится брату. Он не любит никаких задумчивостей, неясностей. Если человек задумался, а ты находишься рядом, то этот человек во многом для тебя потерян.

В каждой семье своя загадка, а Витька терпеть не мог всяческих тайн. Простота и хитрость, смешанные с грубостью, порывистостью, всегда привлекали его, бродили в крови. Он полагал, что в любом деле нужно вначале постигнуть хитрости, а простота придет сама собой. Он не выносил, когда в его присутствии отчетливые понятия пытались раздробить на отдельные части. Оттого и учился неважно: в школе на каждом

уроке начиналось усложнение, прибавлялись новые математические действия, формулы. Закон тяготения, не осязаемый в своей нужности, как дыхание, - падает яблоко, это ведь так просто! - вдруг опутывался цифрами, закорючками. Даже на уроках физкультуры учитель показывал, как надо разбежаться, оттолкнуться, чтобы перепрыгнуть через спортивный снаряд. Учил его, Витьки, который без всякой науки умел перепрыгивать ямы и заборы.

Сестра протянула руку к магнитофону, на ощупь нажала кнопку. Потекла тягучая, словно бы расплывающаяся по густой зеленой траве мелодия.

- Кайфовые записи есть? - спросил он равнодушно.

- Нет, только медленные.

Он понимающе кивнул головой и подумал, что пора, наверное, уходить. Возле ног его мурлыкала, терлась о штанину кошка. Успела завести кошку! Ему захотелось дать кошке пинка - терпеть не мог кошек. Поднял ногу, но в последний момент вздохнул, расслабился. Он знал, что сестра любит кошек, она всегда заступалась за несчастного Барсика, ублажала запуганное животное.

Сестра сказала, что у них есть еще и поросенок - муж выписал в колхозе. Витьке не понравилось, что она часто с несгибаемой гордостью повторяет это сомнительное словечко - «муж». Нашла чем хвастаться. Выйти замуж может любая. «Мой муж, мой муж!» - передразнил он мысленно. Вот бросит с ребенком, тогда узнаешь, какой он твой. Нельзя про человека говорить - «мой»!

Поросенок был уже большой, басовито хрюкал. Витька, перегнувшись через изгородь закуты, почесал ему прохладный бок. Поросенок, довольно фыркая, плюхнулся на свежую травяную подстилку, жмурил блаженно белесые ресницы, оставив щелочки, через которые внимательно глядел на чужого ласкового

человека.

- Он очень умный! - сказала сестра. - Он на тебя смотрит. Видишь, он смотрит на нас! Когда его будут резать, я куда-нибудь убегу.

Она всегда пугалась, когда резали поросенка, пряталась в своей комнате, закрывала голову двумя подушками, чтобы не слышать визга. А брат не боялся, с удовольствием помогал резачу. Когда опаленную тушу разделявали и потрошили, он приносил в дом езде теплое сердце - пугать сестру.

«Перестань, ради бога... - бледнела сестра. - Оно похоже на человеческое!»

Совсем недавно вышла она замуж, а уже стала для Витьки почти совсем чужой. Странно, что в детстве он часто дрался с ней, и всегда побеждал, оставляя ее в слезах.

Сестра закрыла сарай, они вернулись к изгороди, где звучала медленная переливчатая мелодия. Витька слушал музыку, глядел на сестру, и в голову ему приходили разнообразные мысли о женщинах. «Прежде всего, - думалось ему, - надо держаться от них подальше, потому что они существа загадочные, никогда не известно, чего ждать от них в следующую минуту». Уж он-то, Витька, не даст маху, какие бы красавицы ни встретились на его пути, сумеет уклониться, от любых контактов с ними. Он всегда будет горд, одинок и никогда не женится, потому что именно от женщин происходит всяческая горечь и досада, от них беспокойство и хлопоты. Они приносят печальные новости, умеют перемолоть их так, что мир покажется беспросветной тьмой; они всегда будут стараться погасить твой внутренний огонек, не упустят возможности испортить настроение какой-нибудь глупой сплетней. Жить рядом с женщиной - значит видеть картину мира наполовину искаженной. Нет, Витька на такое не согласен, он хочет видеть всю

правду вокруг собственным незамутненным взором.

- Приходи ко мне чаще, - попросила сестра. - Муж целыми днями на работе, скучно.

- Ладно, - ответил он хмуро, хотя был уверен, что больше никогда не придет сюда, а если и придет, то очень нескоро и то, если заставят родители. Теперь он твердо знал, что любая женитьба - несчастье, обрушивающееся на вольного молодого человека. Разве это главное: иметь дом, сарай, поросенка, магнитофон с грустными мелодиями? Может ли сильный отважный мужчина быть самим собой в присутствии слабого хитрого существа, которое нельзя прогнать, как собаку или кошку, которое неизвестно по каким причинам считает тебя своей собственностью и за глаза называет не по имени, а «мой муж»? Нет, извините, не надо Витьке ни женщины, ни девушек и всего прочего, что с ними связано. Сколько раз видел в кино: сильный мужественный парень гибнет, попадает в лапы врагов лишь потому, что никак не распрощается со своей глуповатой возлюбленной. Пытаясь спасти расфуфыренную изнеженную дуру, он не обращает внимания на врагов, окружающих его со всех сторон, потому что смотрит только на свою возлюбленную, и даже не может выстрелить, потому что она всей своей тяжестью повисла у него на руке - они вовсе не такие легкие, эти воздушные создания!..

Нет, Витька никогда не будет носить барышень на руках, а если, и поднимет какую, то лишь для того, чтобы выбросить в окно. Он не позволит дурачить себя.

Витька почесывает лохматый затылок: что за чепуха летит в голову? Надо же, вообразил себя киногероем! И страшная досадная мысль вдруг пронзает его: что же это, получается? выходит, ни одна из них, даже самая что ни на есть раскрасавица, самая умная и добрая, не достойна его, подростка с грубым злым лицом? И он содрогнулся, крепко зажмурил глаза. Какая же будет

она, равная ему во всем - в дерзости, в силе, в крепости характера? В одной книжке он видел картинку: светло-мраморная женщина-воительница с обнаженной белой грудью, с копьём в руке, с чистым грозным ликом богини. Греческая статуя на рисунке в книге напоминала чем-то его одноклассницу Таню Кузовлеву - такая же спокойная, величавая. «Наверное, такая! - устало подумал он и вздохнул. Что статуя, что Таня - всё едино. Такая, возможно, и меня захомутает».

- О чем задумался? - спросила сестра. Взгляд ее был по-прежнему направлен вдаль.

- Ни о чем... - буркнул Витька.

Солнце опускалось к вечерней отметке, поле слегка серебрилось. Сверкнула пролетающая паутинка. Все так же играла непонятная печальная музыка. Если раньше пели скрипки, то сейчас глуховато, с паузами звучало пианино. Витька поймал себя на том, что прислушивается к мелодии, презрительно фыркнул. Снова заиграли скрипки, но не тонко, не пронзительно, а спокойно, отвлеченно. Лес на горизонте казался далеким, а часа через два он будет неразличим, утонет в золотом сиянии опускающегося солнца, перестанут шевелиться придорожные кустики полыни.

Сестра его не такая, как девицы в кино: она некрасивая, некапризная, жить с ней легко и просто. Все ее некрасивости, собравшись в одно целое, превратились в мягкую задумчивость, в сверкание солнечных пятен, в улыбку, устремленную навстречу теплоте, временами с прохладинкой августовскому ветру, шевелящему цветное легкое платье. На брата похорошему действует тот факт, что у его сестры скоро будет ребенок. Какой-нибудь маленький Плаксин. Совсем даже не калгановского племени и похож, наверное, будет на Серегу.

- Это что же, выходит, скоро я дядей буду?..

Она кивает головой, улыбается.

-Значит, он мне племяш будет?

- Да. Или племянница.

- Нет, лучше мальчишку, - рассуждает, прищурившись, Витька. - Я ему куплю игрушечный автомат, саблю...

В родительском доме на стенах сестриной комнаты остались портреты, аккуратно наклеенные пожелтевшие вырезки из журналов, афиш, в основном артисты, певцы.

В пустой маленькой комнате все еще витал, дотлевал грустный запах некрасивой малообщительной девушки, стояли на полке флаконы духов, шампуней, баллончики с лаком. Артисты улыбались со стен неизвестно кому. Витька, зайдя однажды в комнату сестры, попытался отодрать несколько фотографий, однако они были приклеены на совесть - Маша во всех мелочах была старательной. У портретов отрывалась носы, уши, микрофоны, составлявшие как бы естественное продолжение раскрытых в напряжении ртов. Разноцветные глаза смотрели снисходительно и выжидательно, с презрением наблюдая за громилой, явившимся в уютный уголок грез, чтобы истребить их власть над провинциальной мечтательной душой. Они находили его в любой точке комнаты неотступными завлекающими взглядами, предлагая себя на обозрение, любованье и поклонение, и даже как будто обижались на то, что он не смотрит на них, ненавидя неизвестно за что. Улыбки замерли, застыли, потому что предназначались только ей, а если другим, то таким же, как она, способным поклоняться этим плоским теням.

Витька содрал со стены глянцевый календарь, яростно скомкал его, зашвырнул под аккуратно застеленную кровать, ударил кулаком по мягкой горке подушек. Полетела пыль, пушинки. «Как легко, как быстро она ушла из нашей семьи!» Только теперь, когда она покинула их дом, он понял, что любит сестру

глухой отстраненной любовью.

И вот сейчас он стоял рядом с ней, ощущая невидимую силу родства.

Сестра казалась высокой, оттого что встала на бревно, лежащее возле изгороди, держалась спокойно, гордо, с сознанием нежного груза, заключенного внутри материнской оболочки.

Она смотрела вдаль - на лес, на поле, на опускающееся солнце, и взгляд ее был прощальный: она словно бы запоминала этот задумчивый вольный простор, говорила ему «до свидания», торопясь уйти поскорее в мир своего ребенка, еще не родившегося, но такого желанного, близкого, для которого она сама станет окружающей средой. Лицо ее как солнце будет склоняться над сморщенным личиком, ее грудь, губы, руки будут питать, сохранять новую крохотную жизнь.

Витька смотрел на нее, легонько пощипывал щеку, пытаясь вникнуть в смысл новых ощущений, - есть в жизни какая-то тайна, до которой ему никогда не добраться, и губы его кривились в злобной усмешке.

Так всегда бывало с ним, когда он наблюдал человека, освещенного загадочным внутренним светом. Он пытался по привычке отыскать в лице ее недостатки, но не находил ничего такого, на чем мог бы остановиться придирчивый взгляд, хотя всегда знал, был уверен, что его сестра некрасива, что она никогда и никому не сможет понравиться. Он торопливо взглянул на лес, на поле, в напряженной гримасе приоткрыл рот, пытаясь почувствовать то же самое, что и она. Но ничего не увидел, кроме леса, поля, двух стремительных низких ласточек. «Значит, все прошлые годы она терпела меня, а не я ее, - подумал он, - значит, она всегда была лучше меня, потому что на каждом шагу уступала мне и прощала».

Ему казалось странным, что ее новая фамилия теперь не Калганова, а Плаксина, хотелось окликнуть,

назвать по новой, фамилии, но почему-то не хватало смелости на такое маленькое по его привычкам и замашкам озорство, хотя прежде он никогда не упускал случая подразнить сестру.

Он часто находил девичьи дневники, альбомы с цветочками на обложках, в которых вместе со стишками, вклеенными портретами красавиц экрана были всяческие глупости и откровенности, пространные размышления о том, что такое любовь или почему она, сестра, не понимает сама себя, своей тихой гордости, а также рассуждения о мальчиках, которые ей нравились. Витька пробегал глазами всю эту дребедень, хватал первый подвернувшийся огрызок карандаша, злорадно нажимая, ломая стержень, вписывал на полях, в промежутках между аккуратными строчками обидные, насмешливые слова, которые в избытке теснились в его голове.

Она упрекала его, стыдила, а он дразнил ее, насмешничал. Иногда они принимались драться, обменивались затрепинами, пощечинами, дергали друг друга за волосы, за уши. Он всегда побеждал, и, в конце концов, она принималась плакать, хоронилась в своем закутке, обклеенном артистами и певцами. Сама некрасивая, она словно бы стремилась окружить себя плоской разноцветной красотой, а Брат, рассерженный, багровый, угрюмо пыхтящий, торопливо одевался и уходил из дома, чтобы возле клуба, если представится повод, подраться с кем-нибудь по-настоящему и окончательно успокоиться.

Но теперь словно бы исполнились все ее нелепые мечтания, выраженные в тех наивных стишках: она вышла замуж за хорошего симпатичного парня, вышла по любви, зная - была уверена в этом! - что он тоже полюбит ее. И полюбил: этот факт признавал даже Витька, понимал его своей грубой заскорузлой душой или тем, что заменяет душу и завистливо гудит в груди.

Он замечал, когда молодожены бывали у них в гостях, как они преданно, внимательно глядят друг на друга, как ласкаются, не целуясь, а прикасаясь, друг к другу словно бы мимоходом щеками, носами, смешно бодаясь лбами, не замечая никого вокруг. И Витьке в такие минуты хотелось грубо выругаться, затопать ногами чтобы эти двое вздрогнули, с испугом обернулись на него...

- Почему ты редко ходишь к нам в гости? - спросила сестра.

- Не знаю, - пожал он плечами. Он и в самом деле не знал.

Сестра глядела вдаль, словно видела что-то необыкновенное, недоступное для Калганова, будто хотела разглядеть свою будущую жизнь. Она всегда была такая, всегда куда-то стремилась, о чем-то мечтала, высоко и гордо держала голову, хотя ей, некрасивой и не очень, по его мнению, умной, больше пристало смотреть в пол или на стенку, оклеенную портретами артистов. Он наблюдал за ней, и ему казалось, что и нежный румянец, и пышные ухоженные волосы, и большой уродливый живот, и коричневая стерня далекого поля, и лес, еще зеленый, слегка пожелтевший в верхушках - все это ненастоящее, выдумка и обман. Все должно быть проще, проще!

- Ну, я пойду, что ли? - сказал он, глубоко вздыхая, наклонив голову, кашляя в кулак, словно старик. Ему думалось, что нарочитый кашель как-то сгладит его уход.

Она протянула ему на прощание маленькую руку, бледную, прохладную, заглянула в глаза. Он, как всегда, уклонился от взгляда, набычился: терпеть не мог, когда ему заглядывали в глаза.

Ему вдруг подумалось, что уже никогда он не сможет погладить сестру по мягким светлым, как у маленькой девчонки, волосам, такое иногда случалось в

детстве, когда он нечаянно клал руку ей на голову, в то время как она задумчиво сидела у окна, склонившись над книгой. И она всегда непременно отзывалась на эту случайную мимолетную ласку - вскидывала лицо, сияя благодарными глазами, хотя Калганов тут же, словно обжегшись, отдергивал ладонь.

Или, взявшись в шутку бороться, он ощущал щекой ее горячее покрасневшееся лицо... И смеяться она уже, наверное, так не будет - переливчатый девичий смех наполнял, оживлял комнаты их большого дома, теперь опустевшего, сразу постаревшего без нее.

Перед тем как повернуться и пойти по тропинке, он пробормотал что-то невразумительное: до свидания или прощай - он и сам не разобрал. За ним увязался прибежавший откуда-то щенок Тяпа, которого так и хотелось потрогать рукой, потрепать по круглой пушистой голове.

Она смотрела вслед брату, рослому, коренастому, уже почти взрослому, и ей отчего-то хотелось плакать, но она сдерживала слезы, понимая, что в ее положении расстраиваться вредно. Грустно улыбаясь ему вслед, кивнула головой.

Наклонился, собираясь погладить мягкого, виляющего хвостиком Тяпу, но передумал - рука так и не дотянулась до щенка, преданно глядевшего ему в глаза, прыгавшего навстречу ладони.

Витька слышал, как сестра вздохнула, выключив магнитофон, но так и не обернулся.



Татаренко Юрий Анатольевич. Родился в 1973 году в Новосибирске. Работает журналистом. Член Союза писателей России с 2006 года. Публиковался в литературных журналах: «Арион», «Новая Юность», «День и ночь», «Сибирские огни», «Нева», «Иртыш», «Алтай», «Бийский вестник», «Российский писатель», «Чаша круговая», «Южная звезда», «Лава», «Отражения», «Берега Тавриды» и др.

Юрий Татаренко г. Новосибирск

остановились часы
времени нет
их починить

стихи
короткий отзыв на весну
пробежавшую сквозь сердце
скитаются строчки по венам

акции зимы
апрель
пропивает холодно

апрель
у меня начались

и никак не закончатся
полевые работы
на полях жизни

все забываю спросить
где получило небо
синий-синий загар

а море
и не думало
начинать стареть

дождь падает в ноги
а все норовит
дать мне пощечину

провода над полем
видимо
ребра ветра

иду полевой тропинкою
над головой журавли
чья дорога труднее?

листопад
пошел другим путем
а люди говорят
снег

дождь зарядил
пьет и не может напиться
желторотый сентябрь

с температурой лежу
в сентябре
первый снег
в белом халате
проведал меня
обещал навещать

первые русские стихи
семеро полакомились
и по лавкам

живущий в горах тянется вверх к звездам
живущий в пустыне тянется вперед за ветром
живущий в городе тянется по магазинам

взять книги роз
ни бабочки, ни люди
их не читают
нюхают и только

включил телевизор
с экрана несут и несут
труд моего врага

в окно посмотрел
прислушался к пению птиц
полезных два дела подряд
сделаны мною
день удался

никотин
по названию видно
ни единого шанса коту
и откуда взялась эта лошадь?

работаю хорошим человеком
какой лентяй сказал
что это не профессия?

голым купаюсь
жуткое зрелище
для неокрепших медуз

как хочется
ладье
попасть под шах

почему это
на дверях секунд-хендов не пишут
женщинам вход воспрещен

я
не люблю
тебя
любимая

блюдце
килька
небосвод
вот
семейный круг поэта

тихая улыбка
это
на всю смерть

мы не подходим
к зеркалу зимы
страшно
не хочется
видеть одну только
седину

на многое
бог закрывает глаза
библией

время
разбрасывает камни
вредно
их собирать

нервы
и так
ни к черту
ну и конечно
у времени
времени
больше

куда
бежит
бегущая строка?

в кругу поэтов
не блеснуть
красноязычем

я как цветок
я в радость
если срезан

грачи прилетели
спросить
далеко ли до космоса

как бы выведать у цветов
чем пахнут
подмышки бабочек



Анна Гедымин. В 1984 г. окончила МГУ, факультет журналистики. Стихи пишет с 1978 года. Автор семи стихотворных сборников и двух книг прозы.

Член Союза писателей СССР и СП Москвы с 1991 года, Русского ПЕН-центра — с 2016 года.

Член редакционного совета журнала «Юность». Лауреат нескольких литературных премий, в том числе премии «Литературной газеты», премии имени Анны Ахматовой журнала «Юность», премий журналов «Литературная учеба», «Дети Ра», «Зинзивер», радиостанции «Немецкая волна» и др.

Анна Гедымин
г. Москва

Поехали, говорит.
Бросай свою глушь-Саратов,
И уже послезавтра,
в крайнем случае — в среду,
Куплю тебе перстень
в сколько хочешь каратов,
И будем жить с тобой.
Она в ответ: Не поеду.

Здесь у нас соловей,
хоть никакого в нем проку,
Поет и плачет,
и нет спасенья.
А зимой у нас

в ресторанчике «Крокус»

Скрипач играет по воскресеньям.

Тогда говорит:

А хочешь «Форд Фокус» —

Лучший на Среднерусской равнине?

Только сядешь —

и через миг, без вопросов,

Глянут — ан нет тебя

и в помине.

Она в ответ:

Да не нужен «Форд Фокус»,

Лучший от Балтики до Урала,

И даже не надо,

чтоб в ресторанчике «Крокус»

Музыка по воскресеньям играла.

Лишь бы сынок

одолеет переходный возраст!

Лишь бы мама не умирала...

Ну, говорит, кума,

Уж с этим ты разбирайся сама.

И пошел он жить,

как прежде, на свете:

Никого не полюбил

и не встретил

Ту, что мнилась, снилась

в мысли рвалась —

Такая юная,

что еще не родилась...

Лишь солнце,
ныряющее в поле как в озеро,
всё так же красным-
Красно.
А картофельных грядок нет и в помине.
Новодел победил бы
в этой тихой благородной
низине,
Когда бы не церковь,
построенная крепостным...

Вижу цветные сны:
Млечной тропой надпорото,
Небо там, словно днем,
Льет золотистый свет.
Там ни одна весна
Не пролетает коротко —
Тянется, точно мысль,
Сколько захочешь лет.

Там горяча роса!
Там земляника вызрела!
И до земли — лучи,
Спутанные с травой...
Но не понять никак
На расстоянье выстрела,
В птицу — или в тебя
Целится верховой.



Шилкин Сергей Васильевич родился 29 марта 1954 года в городе Салавате. Окончил Ленинградский технологический институт имени Ленсовета. Публиковался в журналах и альманахах «Крещатик», «Slovo/Word», «Журнал ПОэтов», «Простор», «Особняк», «Невский альманах», «Второй Петербург», «Сура», «Дарьял», «Южная звезда», «Ликбез», «Балтика-Калининград», «Бельские просторы», «Нижний Новгород», «Петровский мост», «Метаморфозы», «Наше поколение», «Рижский альманах», «Русское вымя», «Зарубежные задворки», и др.

Сергей Шилкин
г. Салават

Реквием любви

Без любви под сенью свода
Дом лишён основ.
Повстречала ты кого-то
Из далёких снов.

Прошептала мне «Не нужен»
С ноткою тоски.
Приготовила на ужин
Пиццу из трески.

За оконную оправой
Воздух чуть белёс.
Рыба сдобрена приправой
Из солёных слёз.

На лице налипших прядок
Серебрится нить.

Нашей жизни беспорядок
Век не изменить.

На столе остыла пицца.
Время истекло.
Камнем уличная птица
Врезалась в стекло.

Рока горестного плошка
Мною испита.
Звуком битого окошка
В дом вошла беда.

Жалят жгучие иголки
Фейерверком брызг.
Наше счастье на осколки
Разлетелось вдрызг.

Стынет каплями на коже
Кровушка – шпинель.
Ждёт меня в углу прихожей
Серая шинель.

На плечо её накину,
Если запуржит.
И в ночи скитаясь, сгину,
Словно Вечный Жид...

Стихи и стихии

В наших душах отлив обнажил неликвиды.
Черти газ поддают, прогревая тандыры.
А чтоб вверх улетали угара флюиды,
В тверди неба просверлены «чёрные дыры».

Жупел глотку свербит – слой защитный продрелен,
Словно доски весною под устья скворечен.
Я поэт – и давно должен быть бы расстрелян.
На худое – хотя бы отравлен, повешен.

Но я жив вопреки прописному поверью
И смотрю на себя – взгляд мой потусторонен.
Дух свой падший спасая в соборах под Тверью,
Вижу демонов древних сквозь склепы в Вероне.

Досконально я ими, дружище, изучен –
Им «стучит» специально обученный гоблин.
За моею спиной приговор мой озвучен
И палач к исполнению его подготовлен.

Смерть за мною впритык. А за тонкою гранью
Жизнь. Та грань отделяет живот мой от смерти.
Я рванул в неизвестное утренней ранью.
Пели ангелы чёрные реквием Верди.

Грань прорвал я и буду расстрелян едва ли.
И повешен я тоже не буду, пожалуй.
Средь цветущих Болоний, Провансов, Вестфалий
Я бреду одиноко – уставший хожалый.

Мне с трудом удалось эти годы лихие
Пережить – я не вор, не разбойник, не ландскнехт.
Я в пространство стремлюсь, где стихи и стихии...
Это Русь.

Там светло и... Божественно пахнет!

Шизгаре

Улетели стрижи, хотя жаркое лето в разгаре.
Тишина в небесах и средь золота спящей ржи.

Заполняется утро безмолвное песней «Шизгаре»,
Истекающей с ретроканалов в формате 3G.

Сразу вспомнилось всё: и гулянье по Невскому ночью –
Ощущение лёгкое, будто над миром лечу –
И увиденный мной зеленеющий Пётр воочию,
И каштановый «хайер», текущий волной по плечу.

И как мы веселились в «Сайгоне», коктейлей напившись –
Да так шумно и «зло», что оттуда нас гнали взащей,
Как, в общаге по сто человек в комнатёнку набившись,
Танцевали всю ночь напролёт немудрёный свой шейк.

Всё прошло. Я в избушке живу без железной ограды.
У меня во дворе «лисапед», а не импортный «бенц».
Жизнь я честно прожил и не требую, в общем, награды.
Я российский простой – из далёкой провинции – «пенс».

Моя жизнь удалась, хоть мой род не из «пэров» и «донов»

–
В уголке моего огорода кизил и ирга.

Но по-прежнему скачет по сценам главарь «Ролингстонов».
Кто бы мог ожидать такой прыткости от старика?

Он из тех, кому зал рукоплещет, скандируя: «Браво!»
Я ведь тоже – поверь мне – не прочь от души поскакать.
Но мешают дела – в моём доме детишек орава.
Я строгаю из дуба для зимней охоты рогать.

Не спеша, вместе с жизнью вперёд мы плетёмся шкандыбо.
В мои годы, всё бросив, куда-то бежать – на фига?
Если ж песенка та зазвучит – всё встанет во мне дыбом
От простецкой мелодии, сделанной, знать, на века...

Январь

Скуп нынче холодом январь
И не пылает киноварь
Залётных снегирей.

Зато – и это не слова –
На крыше белая сова,
Заблудшая скорей,
Чем прилетевшая «спецом».

Не инкрустирован резцом
Пока ледка кристалл.

Погода – только заболеть.
Кружится, шкура гололедь,
Колючих звёзд фристайл.

Я сел финансово на мель.
Выходит новогодний хмель.
В графине скис крюшон.

Тошнит от запаха сардин
И едкой горечи «Jardin» –
Вновь кофе пережжён.

А завтра снова торжество –
Вселенский праздник – Рождество.
В тот день Господь пришёл.

От Магадана до Пинег
Покроет тихо землю снег...

И будет хорошо!

Барак

Внуку Серёженьке

На «travel» ретропоездами
Мной куплен в прошлое билет –
Иду знакомыми местами,
Где не был 30 с «гаком» лет...

Стоит барак перинатальный,
А в просторечии – «роддом».
И тополёк пирамидальный.
Из гипса лев с беззубым ртом,
Что сторожит у двери входа
С листвой опавшею мешки.
И лезут в окна – год за годом –
Чуть-чуть под кайфом мужики.

Я от картин знакомых ожил –
Махнув на свой авторитет,
Кричу себе: «До внука дожил!
И ты, Серёга, нынче – дед!»

Я в нетерпении – в огне –
Ору: «Покажь быстрее, ну-ка!»

Фланелью стянутого внука
Дочь демонстрирует в окне...



Григорян Лев Арменович,
1980 г.р.
Рассказы, сказки и стихи публиковались в журналах «Дарьял», «Веси», «Огни Кузбасса», «Молоко», «Наша улица», альманахах «Атланты», «Подсолнушек», «Восхождение», «Новый Континент», сборниках издательства «Бёркхаус» и др.

Лев Григорян
г. Москва

Посвящается Анне Ивановне и Льву Николаевичу Фёдоровым

Алое знамя Тальянцевой Веры

До зачёта оставалась ещё пара дней, но я чувствовал – не успею. Нужно было разобрать изрядный отрывок из Де Труэбы. Розгачёв ткнёт карандашом в строку наугад, а ты изволь объяснить, что имел в виду автор, да в какой идут форме глаголы с местоимениями. И так по всему тексту.

Угораздило же меня на втором курсе выбрать испанский!

Но теперь отступать было некуда. Я обложился словарями, добыл подстрочник и зубрил до посинения, так что буквы плясали у меня перед глазами. Перевернутые знаки препинания, казалось, потешались над моими усилиями, будто клоуны в цирке.

— Эль параисо де сус суэньос, – бормотал я вполголоса. – Эль параисо де, чёрт возьми, суэньос...

По коридору прошаркала бабушка – несла сумку с помидорами на кухню.

— Помочь? – крикнул я.

— Сиди уж, Денис, – донеслось из кухни. – Сама справлюсь.

Бабушке было под девяносто. Огурцы-помидоры она солила каждый год – делала запасы на зиму. Обычно в сентябре-октябре, но на этот раз припозднилась: на дворе стоял снежный декабрь.

Хотя силы были уже не те что прежде – дрожали руки, ослабло зрение, – к священнодействию своему бабушка никого не подпускала.

— Тут сноровка нужна. Вы, молодые, в деревне не жили, хозяйства не знаете. Только всё перепортили.

Естественно, о том, чтобы купить соленья в магазине, и речи быть не могло. Бабушка оставалась верна традициям: всё своими руками.

— Давай хоть кастрюлю подержу. Тяжёлая ведь, – я заложил злосчастного Труэбу карандашом, сунул под мышку и прошёл на кухню.

Бабушка, согнувшись в три погибели, перекладывала помидоры в большую пятилитровую кастрюлю с облупившейся эмалью:

— Чеснок почисть лучше.

Я выбрал из связки головку чеснока покрупнее и принялся за дело.

— *Las frutas y verduras son muy nutritivas*¹, – вспомнилась мне дурацкая фраза из учебника.

— А? – не расслышала бабушка.

Я перевёл.

— А, испанский... – Бабушка уложила в кастрюлю последний помидор и с кряхтением разогнулась. – Всё зубришь?

— Угу, – промычал я. – Застрял на двадцатой странице. Не идёт Труэба, хоть тресни. Вот, как тебе, например? – и я прочёл с выражением: – «Энконтрара эль параисо де сус суэньос эн лос паисес ке ва а рекорпер. Лас

¹ Фрукты и овощи очень питательны (*исп.*).

монтаньяс де Суиса, лос кастильос фьюдалес де Алеманья, ла филантропия инглеса...»

— Отыщешь ли ты рай своих мечтаний в тех странах, куда ныне держишь путь, — сказала бабушка неторопливо.

Я разинул рот.

А бабушка продолжала:

— Швейцарские горы, феодальные замки Германии, английская благотворительность... Дальше?

Певучий бабушкин голос напомнил мне далёкое детство: как я, с замиранием сердца, слушал былины и сказки, свернувшись калачиком в старом скрипучем кресле. Рассказывать бабушка была мастерица. Истории про серого волка, Илью Муромца, Василису Прекрасную чередовались с воспоминаниями об ушедшей бабушкиной молодости, военном лихолетье, скитаниях по стране. А иногда бабушка пересказывала русскую классику — «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Бежин луг», «Бесприданницу». Недаром почти сорок лет бабушка отдала школе, преподавала родную речь и литературу. Понимала и по-украински, разбирала белорусские говоры. Но испанский?! Откуда? Когда??

— Ты читала Труэбу? — вымолвил я.

— И не слышала о таком. Это кто-то из новых? — изборождённое морщинками бабушкино лицо на миг осветила улыбка.

— Деятнадцатый век, — я мотнул головой. — Но откуда тогда?..

— По-испански знаю? Это Вера меня натаскала. Подруга. Мы с ней были как сёстры. Очень-очень давно. Ещё до войны... — голос бабушки потускнел.

— Вера? — переспросил я. До сих пор я думал, что помню по именам всех бабушкиных подруг. Выходит, ошибался. Хотя большинства из них уже не было на свете, бабушка частенько о них вспоминала, и истории,

повторявшиеся из раза в раз, сделались чем-то вроде наших семейных легенд. Я их знал наизусть.

— Вера Гальянцева, – со вздохом кивнула бабушка.

— Ты о ней никогда не рассказывала.

Бабушка промолчала. Достала из шкафчика лавровую ветку, три листика положила в кастрюлю с помидорами.

— Хорошие помидоры, ростовские. Надо было побольше брать, – в последнее время у бабушки появилась привычка говорить с собой вслух.

Но я не поддался на уловку.

— Что за таинственная Вера? Я думал, ты в школе дружила с Ниной Сомовой, немного с Таней Аварской. Но про Веру никогда не было ни полслова.

— Не хотела огорчать деда. Вот и помалкивала. Он её тоже знал.

Дед умер два года назад. С бабушкой они знакомы были с детства, вместе играли, учились. Не закончив десятого класса, дед ушёл в авиацию – пилотом гражданского флота. Было это в апреле сорок первого года. С началом войны всех курсантов, будущих лётчиков, перебросили в армию – спешно переучиваться на истребителей.

Осенью немцы прорвали фронт под Ростовом, и дед с другими такими же семнадцатилетними мальчишками держал оборону, правда, не в небе, а на земле: для самолётов не хватало горючего.

Потом была эвакуация в Среднюю Азию. Дед рвался на фронт, но начальство его не пустило: слишком уж хорошо летал, поэтому был назначен лётчиком-инструктором – учить других.

С бабушкой они встретились снова в последние дни войны. Дедова эскадрилья перегоняла самолёты в Азов, и дед уговорил командира сделать остановку в Батайске, куда перебрались его родные. Там же жила и бабушкина семья. Бывший школьный товарищ, теперь статный

красивый лётчик запал бабушке в душу. В августе, в день авиации, сыграли свадьбу. И прожили вместе шестьдесят с лишним лет.

После дедовой смерти бабушка сильно сдала. Ходила с трудом, на улицу выбиралась редко, тяжело опираясь на палку. Летом подолгу сживала на лавочке у подъезда, кутаясь в тёплый платок. Изредка перекидывалась словечком с соседями, проходившими мимо, но больше молчала, думая о чём-то своём.

— С Верой мы проучились три года, — сказала бабушка. — Она к нам пришла в восьмом классе. Да вот класс-то её не принял. Чужачка была, и слухи ходили разные.

Бабушка налила воды в чайник, разожгла плитку. Устало села за стол и подпёрла ладонью щёку. Я сел напротив, туда, где раньше было дедово место.

— Первый день хорошо помню. Мы нарядные, после линейки. Сидим, перешучиваемся. Анна Никитична куда-то вышла. Звенит звонок — никого нет. Пять минут проходит — никого. Мы притихли. Вдруг входит директор, за ним Анна Никитична и незнакомая девочка. Сразу видно — нерусская. Высокая, на вид старше нас. Смуглая. Волосы до плеч, чёрные, будто вороново крыло. И одета не по-нашему — блузка синяя, юбка чуть не выше колен, таких тогда не носили.

— Познакомьтесь, — говорит директор. — Тальянцева Вера, ваш новый товарищ. Примите под пионерское покровительство. Расскажите, что у нас да как. Если надо, помогите с учёбой...

И тут новенькая директору прямо в глаза посмотрела и говорит с улыбкой:

— Спасибо, Андрей Евсеевич, но я сама справлюсь. Зачем ребят утруждать?

Говор у неё с акцентом едва заметным, но чёткий. И интонация, как бы сказать... свободная, что ли. Будто не школьница она перед директором, а равная с равным.

Мы, ясное дело, глаза вытаращили. Не принято у нас было директору перечить. Андрей Евсеевич тоже смутился, закашлялся, полез в карман за платком.

А Вера меж тем прошла за последнюю парту и села, там свободное место было, как раз рядом со мной.

Тут Анна Никитична холодно так говорит:

— Обожди, Вера. В классе решаю я, кому с кем сидеть. И я пока тебя не сажала.

Вера смотрит на неё вопросительно, но с места не двигается.

Тогда Андрей Евсеевич махнул рукой, и Анне Никитичне говорит:

— Пускай пока обвыкает. Первый день всё-таки. Тут, знаете... родители только что из Испании.

Анна Никитична сразу смягчилась:

— Ах, вот оно что... Испанские дети, – и оставила Веру в покое.

Директор пожелал нам успехов и вышел. Урок начался. И всё вроде стало по-прежнему, да не совсем. Ребята, девочки наши смотрели на Веру враждебно. Решили: вот задавака! И я поначалу так же подумала. Решила даже – как станет важничать, попрошу Анну Никитичну меня отсадить. Но дело было в другом.

Бабушка умолкла, прикрыла глаза. Чайник на плите засвистел.

— Испанские дети – это что, термин какой-то? – уточнил я, чтобы разогнать тишину. Что-то мелькнуло в памяти, связанное с войной, но ведь бабушка отучилась ещё до войны. Выпускной бал пришёлся как раз на двадцать первое июня сорок первого года.

— Эх, Денис, молодо-зелено, – бабушка усмехнулась. – А ещё студент. Язык учишь. В Испании в тридцатых годах была революция. Молодой республике пришлось трудно. Вспыхнул фашистский мятеж. Добровольцы со всего мира поехали в Испанию бить фашистов. Наши коммунисты тоже сражались – лётчики,

советники, врачи. Но кончилось плохо. Генерал Франко, закадычный друг Гитлера, задушил республику. А наши успели вывезти в Союз тысячи испанских детей – лишь бы уберечь от войны. Россия им второй родиной стала.

— Вот оно что, – протянул я, вставая. Выключил плиту, пока не сбежал чайник. Бабушка тоже с трудом поднялась. Принялась готовить рассол. Но рассказ продолжался.

— Ошиблась Анна Никитична. Вера к испанским детям отношения не имела. Просто отец её там работал в посольстве какое-то время. А так был наш кадровик, дипломат. Потом слухи ходили по школе, будто у Веры отец посол, – и тоже неправда. Он в посольстве был служащим невысокого ранга. В том году его отозвали в Россию. И уже из Москвы направили в Ростов-на-Дону. Зачем дипломата в Ростов – так и осталось неясным. Может, что-то готовилось в руководстве страны, да планы потом поменялись. Что-то с Турцией, может быть, хоть до Турции там не близко.

Я припомнил географическую карту. Действительно, выходило, что к Турции ближе из Крыма, а ещё лучше из Закавказья.

— Но выскочкой она не была, Вера-то, – добавила бабушка. – Это я поняла в тот же вечер, когда застала её с дневником у кострища. День нелёгкий для неё выдался: умудрилась две пятёрки и кол получить. Учителя заметили новенькую, хотели её проверить. Ну, Вера им дала жару.

Вторым уроком шла математика. Цифирь у Веры от зубов отскакивала. Что ни спросит Матвей Матвейч, ответ готов слёту. Четырёхзначные числа поделить, перемножить, даже корень извлечь – без малейшей запинки. Словно машинка счётная в голове, хоть их тогда и не было ещё, «компьюторов» этих. В магазинах конторскими счётами щёлкали – вот и вся техника.

Задачки Вера решала любые. И про поезд из точки А в точку Б, и про трубы, что бассейн наполняют. Для неё это было – так, семечки.

А потом был немецкий. И снова Вера на высоте. Ты, Денис, не знаешь, наверно, а тогда по всей стране немецкий учили. Словно чувствовали, с кем война будет. Позже, после войны уже английский всё вытеснил, в шестидесятые. А наше поколение в основном немецкий осваивало. Ну, кто как. Кто получше, кто похуже, иные совсем уж ни в зуб ногой. Учительница наша, Маргарита Модестовна, из поволжских немцев была. Всё сердилась на нерадивых. И тут вдруг Вера. Говорит как по писаному. Затараторила без остановки – минут на пять, учительница даже перебить её не решилась. А Вера знай себе шпарит – что-то про лето, про низовья Эльбы, про книжки...

Наконец Маргарита Модестовна её останавливает. Спрашивает:

— Ты, должно быть, в немецкой школе училась?

А тогда в городе Энгельсе, на Волге, знаменитые школы были с немецким языком. Пока автономию немецкую не упразднили.

— Нет, – улыбается Вера. А улыбка у неё такая была застенчивая, несмелая. Не вязалась с манерой её горделивой. – Нет, – говорит, – пока что не довелось. Просто родители мои в Германии работали одно время.

В общем, вышла Вера с урока с пятёркой, второй уже за день. Класс её обступил, расспрашивать стали: где жила, что видела, да как к нам попала. Всё ж таки Германия, Испания... В ту пору не то что сейчас – по границам не ездили. Если кто куда – редкий случай, особенный.

Был парнишка у нас, Федя Граев. По комсомольской линии потом выдвинулся. Так вот он Веру спрашивает:

— Скажи, как там люди-то за границей? Какие они вообще? Как живётся простому народу? Небось страждут шибко, под буржуйским-то гнётом?

А Вера ему:

— Люди везде люди. Такие же, как у нас. Есть весёлые, есть пугливые.

Федька аж раскраснелся весь:

— Как так: такие же? У нас социализм, у немцев фашизм. У нас свобода, а у них что? Или ты там с буржуйским охвостом дружбу водила? Отвечай!

Вера к нему повернулась спиной, ничего не сказала. Федька тогда хватъ её за плечо, разворачивает к себе... Я гляжу: быть беде. Но нет, тут твой дедушка подоспел, вмешался. Он высокий был, крепкий, Федьку мягко так отодвинул:

— Не задирай новенькую.

Федька — руки в карманы. Не стал связываться, отошёл. Но ребята, кто слышал, задумались: странная эта новенькая... Кто она? Коли разницы между буржуем и честным трудягой не видит — может, глупая вовсе? Ан нет, непохоже. Математику знает не хуже Матвей Матвевича. В общем, не человек, а сплошная загадка.

Тут звонок на историю. Вводный урок, современность. Борис Иваныч, историк наш (мы его Бор-Ыванычем звали), видно, наслышан уже, что новенькая по математике и языку отличилась. И сразу ей:

— Тальянцева, к доске.

Тут-то Веру настиг конфуз. В истории она хромала.

Вопрос, другой — сплошная нелепица. Что такое?

Бор-Ываныч тогда её спрашивает — ну, что попроще:

— А Парижская коммуна в каком году была?

— В тысяча девятьсот семьдесят первом.

В классе хохот.

Борис Иваныч:

— Ты ничего не напутала?

Вера задумалась.

— Нет, — говорит. — В тысяча девятьсот семьдесят первом году, с марта по май.

— Ну, – отвечает Борис Иванович, – стало быть, нам до Парижской коммуны ещё жить да жить, тридцать лет и три года без малого.

Вера вспыхнула:

— Век перепутала...

— То-то и оно. Ну а скажи тогда, совсем лёгкий вопрос: когда образован Советский Союз?

Вера в пол смотрит.

— Не знаю...

Бор-Иваныч нахмурился:

— А сколько республик в составе Союза? Это хоть знаешь?

— Пять, – отвечает Вера. – Кажется, пять.

Тут я не выдержала, со своей парты принялась на пальцах показывать, что не пять, а одиннадцать! Одиннадцать их тогда было, ещё Прибалтика к нам не вернулась... Но Вера уставилась в окно и не видит меня.

— Интере-есно... – Бор-Иваныч усы подкрутил. – Перечисли, пожалуйста.

Вера отгарабанила:

— Российская, Киргизская, Белорусская, Украинская и Румынская.

— Румынская?!

В классе даже шёпоты смолкли. Никто больше не улыбался.

— Да это международный скандал, – Борис Иванович хмыкнул сурово. – Садись, Тальянцева. Единица. Не знаю, за что тебя расхвалили. Учись, учись, читай учебник. Там карта есть в приложении. Все республики названы.

Вера губу закусила, головой тряхнула, села за парту. Я шепчу:

— Что ж ты не взглянула даже?! Я тебе подсказывала, а ты...

— Думала, что знаю... – отвечает. – Ошиблась.

Я киваю с сочувствием:

— В испанской школе, наверно, историю не проходят? Или там о своей стране только?

— Я в Испании не училась.

— А что же ты делала?

Вера хотела ответить, но тут Бор-Иваныч на нас шикнул, и до звонка мы помалкивали уже. А после меня Нина Сомова отвлекла.

Так закончился первый учебный день. А вечером я снова увидела Веру – случайно. Меня мать отправила в булочную. Дорога как раз мимо школы шла. За школой пустырь был – там физкультурники тренировались, потом поле футбольное сделали. И там же по осени листву собирали и жгли. У обочины, рядом с канавой, кострище осталось. Иду, смотрю: Вера. В полутьме я сначала не разглядела толком, подумала – вроде девушка из старших классов или, может, фабричная.

Но тут у неё огонёк в руках вспыхнул. Спичка.

Я окликнула её, подошла. Говорю:

— Ты что делаешь?

Мелькнула мысль глупая: вдруг она курит? У нас тогда строго было с курением. Из пионеров могли выгнать запросто. Надо, думаю, предостеречь, чтоб бросала эти привычки свои испанские.

Но нет, папиросы не видно. Вместо этого – из сумки тетрадь достаёт, толстую такую, белую. И пока не прогорел огонёк, поджигает обложку. Молча!

Мне как-то даже не по себе стало. Снова спрашиваю:

— Ты чего чудишь, Вера?

Тут она на меня посмотрела, и в глазах огонёк отразился. Говорит:

— Дневник жгу.

Я за голову схватилась:

— Ты с ума сошла? Тебе Анна Никитична такое устроит!

Хотела у неё отнять, но тетрадь занялась, я чуть руки не опалила. Отшатнулась в сторону.

Вера мне, с акцентом своим чуть заметным:

— Не бойся, Алёна. Я знаю, что делаю.

— Из-за единицы? – спрашиваю. – Можно было страничку выдрать...

Она бросила дневник наземь и носком туфли подоткнула, чтобы лучше горел.

— Нет, – улыбнулась. – Единица моя заработанная, я её не стыжусь. А дневник – он не школьный. Другой. Эль диарьо.

— Из Испании? – меня осенила догадка. Что ж, каждый вправе свой личный дневник уничтожить, хоть и странно всё это.

— Можно сказать, из Испании, – помолчав, ответила Вера. – Зря я его привезла. Подвёл он меня. Республики эти...

Она ещё поворошила догорающую тетрадь. Труху забросала палой листвой.

— Хочешь, – говорю, – тебя подтяну? Приходи ко мне заниматься.

— Зачем? Сама справлюсь.

Мне обидно.

— Зря, – говорю. – Ты и от пионерского покровительства отказалась. Держишься гордо. А наши ребята простые, не поймут они этого.

Вера на меня с удивлением посмотрела, брови нахмурила. А брови у неё чёрные, тонкие были.

— Что ты, Алёна? Я не гордая вовсе. Не хотела ребят нагружать. К чему им время тратить, когда я сама могу?

— Сама да сама, – передразниваю. – Где ты этого набралась? У нас коллектив всему голова. Пионерская дружина – великая сила. Вместе и проще, и веселее. А с единоличника какой толк? Брось. Приходи заниматься. Я тебя всем республикам научу и в истории натаскаю.

— Хорошо, — говорит. — Но тогда и я тебе подсоблю. По-немецки... Песни освоим. Знаешь, какие песни в Германии?

И запела — высоким голосом, мелодичным.

Я слушала-слушала, отвечаю:

— Здорово! А испанские знаешь? Мы «Гренаду» в пионерских походах пели, красивая — страсть!

— О, «Гренада», — говорит, — великая песня. На века... Я её до Испании ещё знала. Так бывает: о войнах забудут, а песня останется. Но она не испанская. Наша, советская. Впрочем, испанцы её тоже любят, даже слова переиначили на свой лад.

И мы на два голоса как запели — звонко, легко. Она запеваёт, а я подхватываю, она по-испански, а я по-русски...

Так началась наша дружба. Стала Вера ко мне ходить вечерами. А то, бывало, я к ней. Семья их жила от нас через дом, в коммунальной квартире, даром что дипломаты. Хотя комнату занимали просторную, уютную. Шторы, помню, висели с кисточками. Но соседи их часто ссорились, шум, гам стоял, поэтому заниматься мы во двор уходили. Или в беседку за школой, под сенью раскидистых вязов, — та пустовала обычно.

Историю Вера усвоила быстро. Немецкий я знала по школе и не любила его: клацающий какой-то язык. Поэтому само собой вышло: переключились мы на испанский. Вера много помнила стихотворений. Лорку, Мачадо, Хименеса... Но всё больше разговор у нас в сторону уходил: о том, как жилось ей в Испании, как страну изменила война, как страшно бомбили фашисты Мадрид, а по улицам ехали танки Республики.

А ещё Вера рассказывала о своих мечтах. Но мечты у неё были какие-то филантропические, общественные. Мы-то все, молодые девушки, парни — мечтали скорее вырасти, людьми стать, освоить профессию или дальше

учиться пойти. Девчата гадали о суженых, ребят тянуло в армию, в морфлот, авиацию, им грезились подвиги.

А Вера мечтала о том, как когда-нибудь поднимется страна: вырастут огромные красивые города с высокими домами, побегут во все стороны широкие светлые проспекты, поплывут мощнейшие корабли бороздить океаны, дирижабли полетят к Луне, к Марсу, а люди станут жить привольно и счастливо. Но звучало это так, будто самой Веры в этих мечтах нет.

Как-то раз я спросила её:

— Ты-то чем заниматься будешь среди всего этого великолепия?

Вера посмотрела куда-то ввысь:

— Что ж, если сбудется... В самом большом городе башня будет, считай, до неба. На верхушке башни — прожектор, мощности небывалой. Вот там я и буду: на весь мир глядеть, до самого краешка. Как из-за края земли чудовище вылезет тёмное, чтобы все города и моря уничтожить, я замечу, прожектор включу, и лучом его ошарашу. Пусть обратно за край земной прячется.

Я плечами пожала:

— Что за глупости? Детские сказки... И отстала ты, Вера, от жизни. Нет краёв у Земли. Круглая она, Земля-то.

Тут Вера рассмеялась как-то весело и отчаянно. Хотя мне совсем не смешно было. Она всегда так смеялась: разом, взхлёб, над чем-то одной ей понятным. Отсмеявшись, сказала:

— Не принимай всерьёз. Я так маленькой представляла будущий мир. А что шар Земля — знаю. Мне папа рассказывал, и в книге любой написано.

Потом добавила сумрачно:

— Может, в том и беда, что краёв у Земли нет: значит, чудища те среди нас ходят, невозможно их извести. Некуда. А впрочем, чепуха это всё. И дело себе я найду, уж не пропаду. Стану машинами управлять, тракторами,

комбайнами. Или на стройках подъёмным краном ворочать. Ух!

Ещё у Веры идея была одна странная. Мол, охоту в лесах запретить надо, все леса в заповедники превратить. Не терпела она, чтоб животных мучали, убивали. К ним она – всегда с душой. А вот с людьми по-иному, к людям, порой, очень жестокой бывала. Кто раз подвёл, не прощала.

Я ей:

— А как же колхоз, скотоводство? Народу что – траву есть?

— Хоть бы и траву.

Такое к живой твари отношение Вере потом в классе аукнулось.

Ещё у неё присказка была особая. Мы все, когда что-то важное обещали, говорили: «Честное пионерское»; а Вера – иначе. Говорила: «Клянусь алым знаменем!» – и глазами сверкала яростно. Сразу ясно – не поверить нельзя. Очень уж для неё всерьёз эта клятва была.

Шло время. Нинка Сомова с Таней Аварской от меня отделились: не по нраву пришлось им, что я с Верой сдружилась. Класс по-прежнему к Вере присматривался. В пионерское звено её приняли, но с неохотой: у неё на всё своё мнение было.

Решил наш отряд устроить в школе живой уголок и секцию юннатов организовать. Наташили ежей, морских свинок, кроликов всяких. Из лесу выманили рыжего лисёнка. А Вера встала стеной: зверятам лучше на воле. Что с ними будет в выходной без присмотра? По ночам в пустом здании?

Конечно, никто не поддержал её. Но и она при своём осталась. Сошлись на том, что октябрятам поручили дежурство – в выходной день зверушек подкармливать, клетки чистить. Но октябрята народ шепутной, ненадёжный. Пришлось самой Вере в неуточное время по школе дежурить. Ей завхоз ключ доверила.

Другой раз – собирали макулатуру. И звено твоего, Денис, деда приволокло откуда-то целую кипу дореволюционных журналов. Там же и книги толстые были – что-то по зоологии, медицине, хозяйству. И романы, все в старой орфографии. Видно кто-то из бывших спецов выбросил, а то и похуже.

У Веры глаза разгорелись.

— Не позволю, – говорит, – в макулатуру сдавать. Это ж книги великой ценности. Их в музей надо!

Ребята ей возражают:

— На что такое старье? Наука давно вперед ушла. Романы всякой пошлости только учат. И читать сложно из-за ятей, еров этих, ижиц. Нечего с барахлом церемониться, сдадим – перевыполним план.

Вера упёрлась. С дедом твоим у неё крепкий спор вышел. Не знаю как, но она его убедила. Да он и сам всегда книги любил.

В общем, Веру он зауважал.

Продолжение следует



Аля Карелина, поэт. Родилась в 1993 г. в Кемеровской области, г. Прокопьевск. Первая публикация состоялась в журнале «Сибирские огни» (1/2011). В 2013 году за победу в международном поэтическом конкурсе «Союзники» был издан сборник стихотворений «Вопреки». Лауреат всероссийского фестиваля им. А. Бельмасова (г. Ленинск-Кузнецкий, 2014). Лауреат всероссийского фестиваля молодых поэтов «Мцыри» (Москва, 2016). Награждена медалью им. М.Ю. Лермонтова (МГО СПР). Лауреат литературной премии «Новое кузбасское слово» в номинации «Поэзия» (2017).

Аля Карелина
г. Прокопьевск

День восьмой

Бог рассеян был, уколвшись о
краешек звезды, уронил слезу.
И на берегу голубой Мрассу
распустился вдруг золотой цветок.

Бог вздохнул, разглядывая порез,
и сорвал цветок – это был женьшень –
панацея, истинный дар небес.
Но нельзя им рану стянуть – в душе.

Подходил к концу день восьмой. Спеша
все дела земные закончить в срок,
Бог запел, и голос его дрожал.
Что ни слово – чистое серебро.

Он придумал имя себе: Поэт.
И с тех пор поэт создает миры.
У поэта – голубь, оливы ветвь...

И в глазах – добро. И в душе – нарыв.

Так и повелось, не вини в сердцах
то, что крепко в душу твою вросло –
на любую боль тебе хватит слов.
А из слов рождается мысль Творца.

Лаки Страйк

Не споровив, не пальцы тайком скрестив,
не по-пьяни, не перед прыжком с моста,
это было так просто произнести –
это было так просто, что неспроста.

Как бродяжка, стою у твоей двери
с чемоданами в пятом часу утра:
впопыхах, между делом: «дай прикурить,
Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, где же мой лаки страйк?»

Здесь так снежно, я мёрзну в своем плаще,
простудилась и голос охрип в пути.
Я пришла – и готова уйти ни с чем –
но надеюсь, что ты мне не дашь уйти.

Вешнее (как могло было быть)

Поверь весне... И талых вешних вод
испей сполна, не бойся отравиться!
Будь жадным жаворонком, тот – всегда поёт.
Будь странной птицей.

Поверь тогда, когда другие не смогли б.
Лети – от ощущения полёта.
Ведь и в тебя, парящего вдали
поверит кто-то.

О снеге свежевыпавшем не плачь –
растает! Так что незачем и помнить.
Возьми немного вешнего тепла –
согрей ладони...

Не оборачивайся (как есть)

Обернёшься – а ты не понят, помят и вычеркнут.
Свежевыпавший снег под ногами не захрустит.
Собери все свои пожитки, стихи и выкинь, тут
они не нужны. Ничего не оставил ты.

Обернёшься – а всем до лампочки, всем без разницы,
эпитафия даже и та – в полторы строки.
У тебя за спиной два ангела, оба лАстятся –
так что лучше не оборачивайся. Беги.

Похороны жука

Всем жукам, задохнувшимся в спичечных коробках,
всем мальчишкам вихрастым, жуков туда
посадивших:

я вас вижу во снах; пощади, Ахерон-река.
Что ни ночь, мне снятся похороны жука,
что ни ночь, то снятся похороны мальчишек.

Если верить прогнозу, то завтра наступит снег –
подходящее слово долго искал ведущий.
Он, наверное, тоже видит жуков во сне,
он, наверное, тоже; иначе бы знал, как лучше.

А наутро снег действительно наступил,
постучался в окно: «Гутен таг, с вами не знаком, но...»
Покидают жуки свои спичечные гробы,

небо давит со всех сторон, поднимая пыль,
в коробок превращая просторнейшую из комнат.

Кто-то себя теряет сто раз на дню,
кто-то себя ни разу не находил.
Сны не приходят: нужно сперва уснуть.
Путь не осилен: нужно начать идти...

В родительском доме

Клавиши просят диеза, но я бемолю.
Спорим, сам чёрт не слышал паршивей музык?
В доме, где каждый угол умыт, намолен –
с детства была обузой.

Годы спустя ничего здесь не изменилось:
те же герани, даже обои те же.
Здесь мне любилось, грезилось, что-то снилось,
только теперь все реже...

Воспоминания слаще любого яда,
любите омут памяти бередить вы.
В доме, где каждый угол намолен, сяду
и научусь молитве.

Падал на белые плечи прогретый воздух,
пахло горячей выпечкой и корицей.
Тихо трещала печь, извлекая дозу
свежей золы. Дым катился по черепице...



Иван Медведев родился в городе Кемерово, в юном возрасте начал писать стихи. В данный момент учится на филологическом факультете КемГУ. В детстве активно участвовал и неоднократно становился лауреатом конкурса «Свой голос», в 2016 году стал победителем томского конкурса «Устами детей говорит мир» в своей возрастной категории, принимал участие в семинаре в городе Бугуруслан, отмечен на литературных чтениях «Кольчугинская осень».

Иван Медведев
г. Кемерово

Предвесеннее

Бывает, что сникнешь до самой подошвы
Ботинок, подбитых свалявшимся мехом,
И смотришь бесплотный на разум порожний,
На тело влачащее ноги по снегу.

Как грянет весна, в расточенную душу,
Как взвизгнет, сквозь вечер несущейся фарой,
И вдохом единым до жизни задушит,
Взвьется и рухнет на сны и базары.

И в воздух оттаявший тихо прольются,
Сияя, сочась по холсту акварелью,
Бездонные недра фонарного блюда,
Огнем пропитавшие ткань сотворенья.

И в сочный щербет перемолоты льдины,
Проспекты в глазах промокают до нитки.

И все перемешано в мире едином,
И с чувствами мысли как цельные слитки.

И хочется видеть, смеяться и плакать,
Земным и свободным на свет возродиться,
Но рваной ухмылкой блистает сквозь слякоть
Ирония гордая в каждой частице.

Дружище

И наверное, что-то должно же быть,
А на деле сказать-то и не о чем:
Вот стоим - косолапые неучи,
Второпях чешем репы о прожитом.
Шире морды улыбки распахнуты,
Да еще подтянули от щедрости!
Видно все-же хватило нам верности,
Раз сегодня стучит под рубашками.

На проказы да шутки умелица
Жизнь-подруга свела, огорошила.
От таких вот гостинцев непрошенных!
Нам и любитесь, братцы, и верится:
Что и мы не забыты, не брошены,
Что в быту суета перемелется,
Что не ради вранья да безделицы
На прощанье желают хорошего.

Мой день, запутался в весне

Снуёт, шатается кругами,
Зарубки чиркаю ногами,
Чтобы по ним вернуться мне.
Мой день - балбес, каких добудь -
Опять летит, куда не надо,
А я набитым дипломатом

Его пытаюсь вниз тянуть.
Ему б напиться болтовнёй,
Влюбиться в чьи-нибудь причуды,
А я один спешу домой,
Заткнув рецепторы простудой.

Конец

Смял закат тугие ткани
Ширмы голубого цвета.
Между космосом и нами
Нынче неба больше нету.
Свет исчез и стало звонко,
Время мнется у порога,
В плащ запрятав похоронку
Оклеветанного Бога.

На дворе помирает мир

На дворе помирает мир,
Разрывая от крика клюв.
В нем когда-то мы были детьми,
Я за что-то его люблю.
И он силится в сон встать
Или, может быть, вмерзнуть в явь,
Но кривые антенн кресты
Над могилой уже стоят.
Он в агонии ловит комки,
С черноземом смешанных льдин,
А смиренные червяки
Копошатся в его груди.
В воспаленных пустых очах
Отразится изнанка дней,
Он, конечно, умрет сейчас
Чтоб воскреснуть весной во мне.

О ерунде

Тик-так, уТИКает день,
Обезумев в игре со словами и
Оставляет меня, оставляет глядеть,
Оставляет вне основной струи.
Мне сегодня классно, сегодня май,
Я примерно в трёх бесстыдно влюблён,
Я ищу по дворам сирень, а дома
Замыкают кольцо - дальше только полёт.
В голове, запрокинутой в вешний бедлам,
Облака и небес голубая гладь,
Только шея болит, значит, где-то там
У меня есть тело, у тела дела.

Это мелочи, с ними побудет Бог,
На него не страшно оставить мир,
Даже мой, хотя при раскладе любом,
Я волнуюсь, он слишком набит людьми.
И обвешан вещами, а здесь слова,
И рифмуется всё, и безумно юн
Потухающий день, и пора уплывать
На бумажном кораблике по ручью.



Инна Домрачева родилась 24 декабря 1977 года в Свердловске. Участник товарищества поэтов «Сибирский тракт». Публикации в региональных альманахах, в журналах «Плавучий мост», «Урал», «Волга», «Сибирские огни», «День и ночь», «Новая реальность», «Белый ворон». Автор книг «Обечайка» (портал «Мегалит», Кыштым, 2016) и «Лёгкие» (издательство «СТиХИ», Виноградово, 2016).

Инна Домрачева
г. Екатеринбург

Наш разговор бессмыслен и нарочит,
Хоть умывай тебя из 0,5 боржоми,
Я бы любила небо, оно молчит,
И вообще хорошее, и большое.

Старый квартал приземист и коренаст,
Эта небрежность стиля — в его природе,
Я бы любила время, оно у нас
Местное, и, что приятно, всегда приходит.

Если продолжить сущностей этих ряд:
Пусть поцелуи долго саднят на коже -
Я бы тебя любила, но, говорят,
Будто с живыми, - с мертвыми так негоже.

Душ выключи. Забудь о феврале.
Взгляни в окно расслабленно и бегло:
Там зной решился в паспортном столе

Переменить фамилию на пекло.

Река мелела, погибал ручей,
Бежала прочь вечерняя прохлада,
И небо становилось горячей
Сковороды обещанного ада.

Безветрие играло в города,
Жара крошила скулы истукана,
И высыхала горькая вода
В глазницах мирового океана.

Когда срывает кромку у конька,
Мир выглядит пугающе и просто:
Выходишь из кручёного прыжка
На скорости
не ниже девяноста.

И — лезвием раскинувшийся лёд,
Точильным камнем, фугой фортепьянной,
Кто ты себе, когда тебя ведёт
Власть
гравитационной постоянной?

Последний метр колюч и серебрист,
Миг перед болью взвешен и сосчитан,
Но ты не хоккеист, а фигурист,
И бьёшься в лёд
без маски и защиты.

Плеснуло изнутри — обида, ряска, плесень,
Скорее отвернись и в сторону плыви,
Пока он был живой — он был неинтересен,
Я покажу тебе гниющий труп любви.

И не выходи из-за тела,
Решительно ясно, что делать,
и так
Не хочется этого делать.

Рябины много — к тягостной зиме,
А мы ещё не осознали солнца,
Слова внахлёт ложатся, как в письме
Четырнадцатилетнего веронца.

Фонема из асфальта проросла
И потянулась вечности навстречу,
Но не хватает света и тепла
На кубометры скошенных наречий.

Земля больна и потому строга,
Не отравись, идя по ней босая,
И снова осыпается строка,
Выветриваясь и перемерзая.

Заведено на сорок оборотов
Не самое астральное из тел,
Оскалившихся в крике, криворотых,
Рывком переползающих предел.

А дальше мир становится картонней,
С обрывками акцизного клейма,
И линиями жизни на ладони
Утра прошита линия ума.

Она вскипает — белая, простая,
И лопасти взбивают молоко,
А жизнь — она тут часто пролетает,
Должно, аэропорт недалеко.



Женя Декина прозаик, сценарист, детский театральный педагог. Лауреат премии «Звездный билет» (2016), конкурса пьес детского театрального фестиваля «Петрушка» (2014, 2015), премии «Росписатель», Волошинского конкурса. Член Союза писателей Москвы. Член международного ПЕН-центра.

Женя Декина
г. Балашиха

Принцесса

Лиза всегда знала, что в жизни ее случится какое-то волшебство, чудо, которое сразу же сделает ее невообразимо счастливой и прекрасной. Принц там, или главная роль в популярном кинофильме. Лучше бы принц, потому что с ним все более-менее ясно. А в кино – это же еще уметь надо.

Впрочем, можно и кино. Главное, что с этого момента Лиза будет становиться все счастливее и счастливее, пока счастье не зашкалит до такой степени, что останется только кричать от восторга.

Лиза изо всех сил старалась помочь сказке, хорошо училась, много читала – не может же принцесса быть глупой, в самом деле, танцевала – на праздничном балу нужно будет танцевать, причем танцевать лучше всех, она рисовала, пела, играла на пианино, шила себе платья с пышными подолами. И вся она будто состояла из этого ожидания – ловила его в пении птиц за окном в запахе

весеннего ветра, в том, что одноклассники снова дерутся за право пригласить ее на танец, а трудовик вздрагивает и отворачивается, когда она, покачивая бедрами, проплывает мимо него. Все будет, все еще будет.

Он появится сам собой, из воздуха. Человек без прошлого, смуглый, решительный. От него будет пахнуть опасностью, и от его жесткого взгляда разбегутся все бродячие собаки. Руки его с длинными тонкими пальцами, будут сжимать клинок, острый как лезвие отцовской бритвы. И все женщины в городе, от девочек до старух, в один момент сойдут с ума от его испанской бородки. Он подхватит ее на руки и закружит в страстном танго, над улицами, домами и реками – до самой церкви, где уже соберется весь городок.

Ради этого стоило ждать. Лиза и не торопилась. Старательно закончила школу, из жалости подарив трудовику на выпускном легкий поцелуй в висок. Со временем, правда, ждать становилось все труднее. Наверное, из-за магазина через дорогу, куда она устроилась на лето. Чтобы уложить волосы и накраситься, приходилось подниматься в шесть. От этого под глазами появлялись круги, да и капроновые колготки постоянно цеплялись за деревянные лотки для хлеба, которые Лизе приходилось тягать в одиночку.

За лето поняв, что в Золушку она уже наигралась, а принц пока задерживается, Лиза поступила в училище – на бухгалтера, и вскоре стала заведующей, причем не в этом крохотном продуктовом, а в огромном универсаме на площади. Теперь Лиза могла приходиться на работу к обеду, заполнять бумаги и шить себе платья у лучшей портнихи в городке – та родила недавно смешную пухлую Светку и охотно брала заказы.

Уже окончательно устав ждать и отчаявшись, Лиза, наконец, встретила его. Он был смугл, высок, красив и от него пахло опасностью. Говорили, что он убил кого-то, кого-то порезал, а кого-то простил. Он носил с собой нож-

бабочку, что и решило исход дела. Мать рвала на себе волосы, отец запретил Лизе выходить из дома, однако к всеобщему удивлению, принц решил жениться. Правда, не в церкви – вера не та. Да и не сейчас - подельников пока не выпустили, потому денег и нет, но все еще будет, конечно. И так, чтобы весь городок позвать, в самом большом ресторане, а может, и вовсе, на центральной площади летом.

Лиза ждала, сколько могла. Уже и сына от него родила, и в первый класс отправила, и день за днем в магазине, а счастья все нет.

Как-то утром, Лиза внезапно обнаружила у себя первый седой волос и запаниковала. Жизнь-то проходит, а счастье где? Принц, конечно, попытался успокоить, но Лиза уперлась – свадьбу. На весь городок. На центральной площади. И денег она найдет. Взаимы возьмет. В кассе. Никто даже не узнает.

Со свадьбой, правда, они не успели. Отсидев положенное, Лиза, слегка повредившаяся умом, дома своего принца не обнаружила. Быстро решив, что принц был не тот, она снова влюбилась. Новый принц был куда колоритнее прежнего. Он практически не знал русского, а тело его покрывали бесчисленные шрамы. Она прижималась к нему теплыми ночами и мурлыкала, что она все поняла, что нужно было еще немного подождать, и вот теперь, теперь уже непременно...

И опять ничего. Снова продуктовый через дорогу, шесть утра и лотки из-под хлеба. Впрочем, если выпить немного, ждать становилось веселее. И еще веселее. И еще. Она танцевала на балах, она рисовала прекрасные полотна, она пела и аккомпанировала себе на фортепиано, она была настолько прекрасна, что принцы из окрестных королевств съезжались посмотреть на нее, а простолюдины падали в обморок, случайно заметив ее.

В реальности же... Впрочем, для самой Лизы другой реальности не было.

Сынок

Сначала он подумал, что это потому, что она в тельняшке. Он тоже был в тельняшке – так, чтобы не особенно заморачиваться. Вроде как и полноценный костюм для корпоратива, и продается в каждом переходе метро. Все остальные или взяли напрокат, или пришли в обычном. А они в тельняшках. И проходя мимо него по лестнице, она вдруг на мгновение прищурилась – даже не улыбка, а так, промелькнувшая на мгновение хитринка. И он зацепился почему-то. Не смог промолчать:

- Нас мало, - сказал он многозначительно, и ждал, что она сейчас непременно договорит фразу, про то, что мы в тельняшках, а она только кивнула весомо, вроде как: «да».

И ходил курить в тот вечер на лестницу, только когда слышал, как она идет по коридору. Надвигающаяся издали лавина хохота. И почему они так хохотали? Через пару перекуров с полупрозрачной девочкой, которую он прихватывал с собой для прикрытия, он уже знал, в каком она работает отделе, и кто она по должности. А как подойти не знал. Странно было ощущать в себе внезапно образовавшуюся робость. Даже не робость, а недоумение. Чего сказать-то? Она и здоровалась как-то особенно. Люди как обычно: «Привет - привет», «Здравствуйте - Здравствуйте». А некоторые наоборот, стремятся сказать «привет», если им сказали «здравствуй». Или есть еще чудачки, которые какое-нибудь особенное говорят, вроде «День добрый!» или «Приветик!». А она кивала и говорила: «Да». Вроде как: «Полностью с вами согласна, действительно, «здравствуйте».

И что-то в этом было от старшей сестры, горячо любимой, близкой по-настоящему, и немного от мамы. С мамой было сложно. Сестра постоянно скандалила с ней, выгоняла ее очередных собутыльников, защищала от них Сашечку, который очень хотел тоже ее защитить, но не мог. Мама так страшно на него смотрела, что он робел. И только с тоской посматривал на сестру. Когда сестра

подросла, мама устроила ее в магазин, а Сашу спланировала в пионерлагерь. На все лето.

В первый же день Сашка увязался за самой красивой девочкой, погулял с ней по лесу, а ночью ему устроили темную. В ужасе Сашка позвонил сестре. Сестра приехала за ним к вечеру, а на следующий день они уже были у бабушки, где и остались. Сначала на лето, а потом и вовсе. Каждый раз, когда маму бросал очередной собутыльник, она приезжала к бабушке забирать Сашечку. Бабушка долго убеждала ее, что Сашечке здесь лучше, но мама не слушала. Тогда выходила сестра. Она становилась напротив матери, уперев руки в боки, и они подолгу молчали. Потом мама уходила. Как-то она пришла пьяной и попыталась прорваться через сестру в дом. Они подрались. Также молча. Потом мама перестала пить, ее новый мужчина Сашечку принял, и даже попытался помирить маму с сестрой, но сестра у них в гостях говорила только с мужчиной. И немного с Сашечкой. Потом сестра вышла замуж, родила, и ей стало не до Сашечки. Он, впрочем, недолго тосковал – исколесил полстраны, поработал везде, где только мог, пока, наконец, не осел здесь. Вместо сестры у него теперь были Женщины. Их было много, самых разных, а он все продолжал и продолжал. Когда становилось одиноко, и к горлу подползал противный ком, он выпивал немного и шел кадрить кого-нибудь посимпатичнее. Ну или просто кого-нибудь. К тридцати он достиг такого мастерства, что клеить всех подряд стало скучно. Хотелось кого-то особенного. Например, такую вот маму – сестру в тельняшке.

На следующий день он дождался ее в курилке, и, хитро улыбаясь, присел рядом. Она тоже хитро улыбалась. И тоже молчала. Смотрели и курили.

- Голодный? – спросила она вдруг. Он кивнул и подумал, как это точно, как искренне она его почувствовала,

одинокого волка, истосковавшегося по простому человеческому теплу.

Она встала, и он пошел за ней, как щенок, радостный, и что-то говорил без конца, рассказывал, шутил. Она на все кивала, а в кабинете действительно достала контейнер из холодильника и разогрела ему еду.

- Не могу одна есть, - сказала она и протянула ему вилку.

Потом они гуляли. И с ним творилось что-то невообразимое, будто, наконец, он может сказать и сделать все, о чем всю жизнь мечтал. Он чувствовал себя таким смелым, таким большим, сильным, интересным, и одновременно защищенным. Это не мама, которая станет тебя ругать. Непременно отругает. Вообще за все. И даже не сестра, которая поржет над тобой и ласково потреплет по голове. Это что-то между. Он рассказывал ей все свои тайны, воровал для нее в магазине, перебежал гигантский проспект, чтобы нарвать тюльпанов с разделительной полосы. Потом они поехали в Питер, и он познакомил ее с сыном. И рассказал про странные отношения с матерью сына, которая родила для себя, четко объяснив, что никакой совместной жизни не будет, сына он видеть может, но иногда. И она поняла. Все поняла. И сын ей понравился, она долго показывала ему, как он на него похож, и Сашка почему-то вдруг тоже это увидел.

Она тогда была у своих, с которыми не хотела его знакомить. А Сашка, который вообще-то под предлогом встречи с сыном ехал бухать со своими «своими», почему-то в тот приезд ни с кем так и не встретился - целыми днями гулял с сыном по городу. Иногда они встречались с ней, и гуляли втроем, взявшись за руки. А на обратном пути он предложил сделать и ей ребенка. И вообще никогда больше не расставаться.

- Я замужем, - ответила она и помрачнела. И он только тогда вспомнил, что вообще-то у нее есть муж, с

которым она живет и спит в одной постели, и готовит ему завтраки.

А потом, по возвращении, они все также гуляли, пили, целовались в подъездах и примерочных, но все стало как-то иначе. Не как тогда, в поезде, когда они мчались в Питер, и не так, как было, когда он водил ее по дворам и знакомил с сыном.

Конечно, она развелась. Причем быстро. Он тогда стал приходиться чаще, и гуляли они больше, а потом у нее кто-то появился. Почему-то опять не он. Он попытался было, что-то сказать про «всегда вместе» и «вторую половинку», но она вместо этого пихнула его локтем и показала на полупрозрачную девочку, которая все еще была рядом.

- Вот на ней женись. А мы с тобой слишком одинаковые.

Женился он не сразу. На очередном новогоднем корпоративе, куда она пришла в сопровождении очередного тюленя, Сашка от обиды начал ухлестывать за длинноногой девицей в мини юбке. Девица была хорошенькая и тоже не прочь, но Сашка ничего не мог с собой поделать, ему хотелось гулять и разговаривать не с ней. И еще набить рожу этому тюленю. Она, будто прочитав его мысли, улыбнулась:

- Спорим на бутылку, что ты ее сегодня не трахнешь.

Сашка усмехнулся, и через пятнадцать минут уже стягивал с девицы трусики. А трахать не стал. Так стало тоскливо и погано оттого, что он как малолетний идиот тискает девиц по углам, а сказать было некому. И он пошел к полупрозрачной девочке. Девочка ждала. Она так внимательно его слушала, так заботливо подкладывала ему еды, что через три месяца Сашка на ней женился. И через полгода со скандалом развелся. И опять пришел к Ней, к матери - сестре. Оказалось, что полупрозрачная девочка уже была у Нее. Плакала и рассказывала какую-то жуткую

историю о том, как он приволок бабу к ним домой и кувыркался с ней на диване, пока жена пыталась заснуть в спальном мешке под столом. Все было совсем не так, это жена спала на диване, а Сашка, действительно притащивший переночевать упившуюся коллегу, прилег с ней на кровать, чтобы таскать ее в туалет, когда тошнит.

- Да я знала, что ты не кувыркался, но ты все равно охренел.

Потом он пытался вернуть жену, но она быстро сошлась с каким-то папиком с работы и зажила счастливо. Когда Сашка узнал об этом, ему стало до такой степени обидно и одиноко, что он решил нажраться. Но встретил Ее в метро. Она расспросила его о работе, и он, забыв о том, что решил сегодня пить, поехал и поработал.

Потом они встретились снова. Случайно. Вчетвером. Она была все еще с этим тюленем, а Сашка с какой-то очередной девочкой, имени которой не помнил. Они так радостно обнялись, что внутри у Сашки поднялась жгучая теплая волна, и он снова почувствовал себя сильным и большим. Тюлень злился. Девочка напряглась. А они просто обрадовались друг другу.

Через много лет они встретились снова. Он посмотрел на нее, и его внезапно пронзило: «Господи, да она же никогда меня не любила!», но вслух сказал только: - Спасибо, - и крепко обнял.

А когда разошлись, он долго рассказывал жене об этой странной женщине, то ли о матери, то ли о сестре. И жена поняла. Она вообще все понимала.



Наталья Андреевна Борисова родилась в Оренбурге. Печаталась в альманахах «Гостиный двор», «Башня» (Оренбург), «Образ», «Кольчугинская осень» (Ленинск-Кузнецкий), в журнале «День и ночь» (Красноярск). Автор сборника стихотворений «Молодое сердце» (2015). Член Союза российских писателей.

Наталья Борисова
г. Оренбург

Замочная скважина

На спине, под левую лопаткой,
Проявилась, сердце истязая,
Прокралась за ребрами украдкой
Скважина замочная резная.
Это все случилось слишком быстро,
Так давно, что мне и не упомнить.
А теперь сквозняк с холодным свистом
Задувает из сердечных комнат.
И в чужих безропотных ладонях
Закреплен на ленточке кровавой,
Так привыкший быть у посторонних,
Старый ключик бронзового сплава.
Я его найду и отвоюю,
В самом темном заточу подвале,
Чтобы эту скважину резную
Больше никогда не открывали.
Может, кровь тогда забагровеет,
Распутятся узелочки нервов.
Мой замочек в сердце заржавеет
И исчезнет навсегда, наверно.

Я сегодня смотрю, как вы уходите,
Не прощаясь, без тоски опустив голову,
Неестественно делаете вид, что торопитесь,
Будто я не из плоти, как вы, а из олова.
Нет, не нужно мне вашей паршивой жалости,
Этой пьяной беды нахлебалась достаточно,
Я своей вам не покажу усталости,
Но и вы не пытайтесь казаться загадочным.
И, смотря, как положено, долго вслед,
Я крестом провожаю чужую спину:
«Пусть Господь бережет его от бед,
Пусть его не покинут, как он покинул».
Раз решили, то нужно идти не мешкая.
Я прощаю вас, как и прочих, мнимых.
Уходите скорей в этой глупой спешке,
Уходите к своей любимой...

А с каждым разом строки все длинней.
Горит на небе розовое зарево,
В безмолвном зарождении огней
Я из поэта превращусь в прозаика.
За шагом шаг – дорога сквозь туман.
Какого черта и куда иду? Не ведаю.
Я веру разменяла на обман
И упивалась призрачной победою.
Не смей меня жалеть и помогать,
Иди за прежней мнимою надеждою.
А я привыкла по ночам сгорать
И прятать бессердечье под одеждою.
Мой свет в окне на нервах задрожит
В глухой тоске ночного половодья,
Внезапно по-другому зазвучит
Так хорошо знакомая мелодия.

Будто бы и не было нас.
Ни вдвоем, ни порознь впредь.
Встретимся – не отводи глаз,
Я сумею перетерпеть.
Я могла бы продолжать бой,
Если б знала: это не зря,
Если б ту, что рядом с тобой,
Ты любил чуть меньше меня.
Если бы да кабы, да вдруг.
Кто не ценит этот подход –
Беспощадный времени круг,
Бешеный его хоровод.
В суетливых пасмурных днях
Обещаю все предпринять,
Чтобы не являлась во снах
Золота волнистая прядь.
Чтобы ты не помнил обид,
Не жалел несказанных фраз,
Буду делать радостный вид,
Будто бы и не было нас.



Катерина Скабардина-Столбинская, г. Новосибирск, пишет стихи, фотограф, автор всероссийского арт-проекта "Поэту по портрету". Публиковалась в журнале Литературная среда (Томск), в альманахе Ликбез. Автор книги стихотворений «Тень тишины».

**Катерина Скабардина-Столбинская
г. Новосибирск**

Из всех твоих номеров я запомнила - 301,
Хотя гуманитарий во всем.
Обычно за рулем
Я сочиняю прозвища для водил.
Иногда выходит смешно, и мой сын
Хочет.
В эти минуты трехглазый
Открывает свой верхний – красный.
Свет заполняет то, что под брошкой
На лацкане мохерового, модного пальто,
Густым, ровным потоком
Счастья.
А я так и не могу вспомнить
Твои те три буквы,
Хотя бы частично...
Точный мир цифр, ты помнишь, мне
неподвластен,
Но из всех твоих номеров я запомнила - 301 -
Он похож на колченогую табуретку.

Не пластмассовую, как сейчас,
А деревянную, с ножками, как раньше.
Одна сломалась - не починить.
Я подставляю то прутик упругий, кленовый,
Срезанный ножиком перочинным,
Совсем еще новым,
То стопку книг зачитанных,
То свои бесконечные письма к тебе,
Написанные мысленно за 10 лет...
Но нет.
Трехногая табуретка никак не найдет
Точку своего равновесия.
Я ставлю коленку
И прибиваю гвоздями для мебели
Деревянное круглое сидение
И закрываю глаза, чтобы не видеть:
Оно – треснуто.

Я никогда не рискну залезть
В высоковольтные параллели
Твоих знаний. Даже божьей коровкой.
Я буду землей, тем местом,
Которое обнимает твои колени
Травами.

Я никогда не оспорю права
Кружить в туманах Аустерлица
Твоих печалей. Не хватит сноровки.
Я буду землей, тем ее краем,
Который мягче пуха для птицы
Раненой.
Я никогда не выстужу избу
Твоих даров

С дверью настезь распахнутой.
Кыш, сорока-воровка!
Я буду землей, такой родной,
Взывающей плуг твой к пахоте
Пламенно.

Задремали в сумерках дачи
В треугольных косынках крыш.
Еле слышно на кухне судачат
«Городская волна» да мышшь.

Воздух густ и на травах настоян —
Из цветов-медоносов отвар.
Жизнь на даче – кино простое,
Где понятен мне каждый кадр.
Катерина Скабардина «Колченогая табуретка»

Когда твоё дыхание – в седьмой позвончик,
Твои пальцы – в волосы
И чувствовать голос кожей спины
Вздыбившиеся на твою грудь антеннки.
Вот эти нано-ноты до, милли-мили между,
Эти микросекунды без дыхания, без мыслей,
без ничего головой –
Только тело луны,
Только нежные струны,
Кончики нервов
В этом звенящем Ничто
Заряженных лучше любой
трансформаторной будки

когда ты придешь ко мне,
моя собака облает твои длинные ноги,
хотя в действительности они вполне обычные,
в пору на рост чуть меньше среднего, но
на пороге, на кэблах, в колготках идентичного цвета
визуальный эффект
не-от-рыв-ности
не-от-ров-ности,
не-от-рев-ности...
она звонко залает!

когда ты придешь ко мне,
мои запахи проникнут первыми.
зонтиками одуванчиковыми осядут на слизистой оболочке
десантниками серебристо-белыми поодиночке
с куполами о небо порванными
в су-мяти-це
до су-крови-цы
до небесной ца-ри-цы!

когда ты придешь ко мне?



Оксана Ралкова – поэт, кандидат исторических наук, член союза писателей России, Лауреат Южно-Уральской литературной премии 2012 года, участница совещаний молодых писателей в Каменске-Уральском 2011 и 2013 годов. Автор двух книг, ряда научных, публицистических и творческих публикаций. Замужем. Мама двоих детей. Живёт в Челябинске

Оксана Ралкова
г. Челябинск

Пёстрые стихи

Сторона – солона,
Но и отчая гарь горька,
Где ни камня на камне,
Ни на угольке уголька,
Где полынь да крапива
Хлопочут у очага
И плакучая ива
Ещё бережёт берега!

Отчий храм – невоздвигнутый –
Кровный нетленный прах,
Ох, и тесно же мне
На твоих четырёх ветрах,
То застывших,
То гнущих на раз-два-три

Белопамятных плит
Закалённо-стальные штыри!

Стань на дальнем краю степи,
Чтобы латами не слепить,
А сразимся – сомкнём края,
О, врагиня! – любовь моя.

А когда полыхнёшь плащом,
Хлынешь жаром с пунцовых щёк,
Я тебе прошепчу: «Ещё!»
И нагайкой ожгу коня...
Вот тогда не щади меня!

Уходит снег, тяжёл и чужд,
Так ожидаемо-внезапно –
Баз хлипкой каши, долгих луж –
Единым необъятным залпом.

Рывком разбуженная твердь
Трепещет не от страсти пылкой,
Но каждой прошлогодней былкой
Свою отпугивая смерть.

А по ложбинам, где в снежницах
Живую влагу пили птицы,
Взойдут прощальные слова –
Степной подснежник – Сон-трава.

*Бабушка, скажи, о чём
Лучшая твоя подруга,
Лоб уткнув тебе в плечо,
Плачет, нет, ревёт белугой?*

Ещё-не-девице, уже-не-деточке,
Едва рубежная мелькнёт верста,
Когтистым кречетом во плечи-веточки
Вопьётся яростная Красота.

И станут молодцы клониться травами,
Кудрями бряцая, заплещет свет.
Подруги верные отпрянут павами,
Старухи древние сплетут навет.

Вдруг перережут путь глаза угольные,
Качнётся волнами смолистый чуб.
Жгутом скатаются косицы вольные,
Лесным пожарищем повеет с губ...

А позже сильное в подвздошь дёрнется.
Ты закачаешься... И зыркнет мать!
Буграми вздыбится под вами горница,
И с воем жалобным вползёт кровать...

Заклятье мутное в стакан загылкает.
Рука родимая прикажет: «Пей!»
Ты запрокинешься в перо затылком и...
Заплот спасающий сорвёшь с цепей!

И в пляске бешеной изба закружится,
С Угла Угодники сойдут на круг,
Когда кровавая густая лужица
По-человечески заплачет вдруг...

Липкой метелицей включен,
Колкой позёмкой лохмат –
Скалится с талых обочин
Загнанный март.

Чёрствую корку проспекта
Взяв в ледяные клыки,
Щурится в сторону света
И норовит под флажки...

Дистих

1
Дай мне сил удержать в неподвижном строю
Эту строгую стройную тяжесть мою
Невесомой надеждой на скорую боль,
Что от века рифмуется только с тобой!

Всё как в детстве: сдираешь коросты с колен
И наивно надеешься – переболел,
А на деле – сквозь розовый нежный покров
Проступает густая солёная кровь.

Сквозь белила привычной размеренной лжи
Проступает румяная жизнь!

2
Наш колодец исчерпан до вязкого дна,
До лоснящейся рыжей назойливой глины,
Но мне слышно как стонет ночами вода,
Изнутри распирая глухие глубины,

Как базальтовый бархат подземных зеркал
И гудит, и пружинит в несметной натуге...

Он таит до надрыва всё то, что искал
Ты во мне.
И всё то, что извечно мы ищем друг в друге.

В джинсах – дороже денег –
Молодцеват и горд
Благостный понедельник
Высветлен, как протёрт,

Щёгольской сигареты
Ввысь выдыхая чад,
Дядечкой разодетым
Пепельно-сладковат...

Сельское кладбище

1
Нет, мне здесь не жутко, не скорбно,
Не плакать мне хочется здесь,
А только холодные корни
Теплом напоить и зацвести.

Здесь тихо и чинно, как в храме,
Трещат, словно свечи, сверчки
И дремлют кресты-прихожане
На волнах ковыльной реки.

Здесь мякоть душистой клубники –
Причастия тёплая плоть.
На снимках не лица, а лики.
И в синем зените – Господь.

2
Здесь я представляю, как прадед Кузьма
С любимым соседом Иваном

«Турецкое полечко» пели впотьмах
Над яром, поросшим бурьяном.

От их двухголосья, сплетённого в жгут,
Дрожал потревоженный воздух,
И степь замирала на том берегу,
И медленней падали звёзды.

Когда через реку смотрю на восток
До дальних густых лесополос,
То, как сквозь асфальт тополинный листок,
Во мне прорывается голос.

Веди меня сквозь рокот городской,
Сквозь токовища, тырлица людские –
Чувствовалища, взведённые тоской
По громовой молниеносной силе!

Веди меня сквозь робкие штрихи
Берёзовой невыразимой речи,
Сквозь пёстрые прозрачные стихи
К спасительной повадке человечьей!

Веди на ветхий приглушённый зов,
На дальний звон, чтоб светоносный воин
Перечитав Вселенную с азов,
Шагнул ко мне – прекрасен и спокоен...



Тамара Кузнецова родилась 3 октября 1995 года в Самаре. Пишет стихи с 6 лет. В номинации "Стихотворение", лауреат Всероссийского литературного фестиваля имени М. Анищенко в 2014, 2015 и 2017 гг., финалист Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов "Мцыри" в 2016 и 2017 гг. Издала три поэтических сборника: "Поэтическая тетрадь Тамары Кузнецовой" (2006 г.), "Мир, в котором я живу" (2009 г.), "На белом берегу тумана" (2014 г.). Проживает в г. Самаре.

Тамара Кузнецова **г. Самара**

Падает снег. Минус двадцать. И выходной
Больше не радуется - с холодом некуда выйти.
Не выхожу из себя. Посиди со мной
И поделись парой-тройкой своих открытий.

Двери закрыты - и настужь душа... не зря.
Белая ночь за окном, в голове - ни строчки.
Фразы избиты. В объятиях декабря
Мне бы уснуть, не дойдя до последней точки.

Не оставляй меня, слышишь? Не уходи!
Или забудь одиночество под порогом,
Спрячу надежно, как прячется боль в груди.
Ты же вернешься, меня позовешь в дорогу.

Как не любить тебя? Очень легко - никак!
Душит одно обстоятельство: все не вечно.
Я обнимаю словами, стирая страх.
В полдень на старом перроне. До новой встречи.

Случаев замкнутый круг -
Танец души.
Женщина женщине — друг.
Слышишь? Пиши!

Не потеряется такт
В толще примет.
Женщина женщине — враг:
"Сколько Вам лет?"

В буквенной лодке плывёшь
Сквозь тишину.
Возраста сладкая ложь
Дарит весну,

Юности ставит печать:
"Я же любя...".
Мудрость поможет начать
Верить в себя.

Вижу тени, бегущие мимо
По асфальту - и только вперёд.
Осень медленно вытечет в зиму
Со слезами, застывшими в лёд.

В сумке спрятался скомканный график:
В жизнь навязчиво планы вошли.
Рядом - пачка твоих фотографий:
Метров пять до реки и земли.

Я невольно влюбляюсь в улыбку
И усталую бледность лица.
Невзирая на эту ошибку,
Провожу день с тобой до конца:

Он остался сплошной пантомимой,
Не плывём по течению фраз.
Ты прекрасна, когда уязвима:
И особенно - здесь и сейчас.

Небо прицелилось в темя -
Дрогнет рука.
Каждой реке своё время
И берега.

Волны глотают и ловят
Всё на пути.
Вброд через мертвенный омут
Не перейти.

Жизнь - очень странная штука.
Ей всё равно:
Люди, искусство, наука -
Канут на дно,

Как продолжалось веками...
Всё на кону.
Чувствую дно под ногами -
Не утону.

Я живу на Земле недавно -
Двадцать лет, а ещё - полгода.
Поработать бы мне исправно
Долго-долго, а там - свобода.

Время тихо сгущает краски,
Разлучает людей и сводит.
Жизнь заразна, хожу без маски.
Всё, что дорого мне - не в моде.

Знаю, прошлое не исправить.
Новый день как на поле боя.
Если вдруг потеряю память,
Не рассказывайте мне, кто я.

"Служба доверия. Здравствуйте. Что у Вас?" -
А на другом конце провода нерв-струна.
Всё происходит когда-то в последний раз,
Близкие стали далёкими. Тишина

Знает всю правду, послушно её храня.
Хочется быть популярной, но и в тени.
Чувствую, это непросто - понять меня.
Я и живу, и бессмысленно трачу дни.

Где-то за кадром любимые и друзья.
Им неизвестно и главное до конца.
Даже себе признаваться во всём нельзя,
Трудно скрывать за ладонями дрожь лица.

Я не хочу объяснять, что со мной сейчас.
Где-то внутри натянулась живая нить.
"Служба доверия. Здравствуйте. Что у Вас?".
Видимо, мне больше некуда позвонить...



Юлия Сливина родилась 5 марта 1984г.в г. Ленинске-Кузнецком. Член Союза писателей России с 2013 года, принята на семинаре молодых писателей в Каменске-Уральском. Автор сборника стихов «Кормиться черемухой рифм». Публиковалась в журналах: «Огни Кузбасса», «Русское эхо»; в Литературной газете. Заместитель главного редактора литературного альманаха «Кольчугинская осень». Сегодня живет в г. Новосибирске.

Юлия Сливина
г. Ленинск-Кузнецкий\Новосибирск

Закройся, Сезам!
Такую мечту
Продули.
Молись всем Богам,
И лишь моему
Не вздумай!
Ему не до нас.
Дела мои – швах,
Похоже!
Трамваи повесились на проводах
С печальными рожами.
Я просто одна
Из «вот этих вот»
В шапках с помпонами.
Душевные скрепы,
Большая душа
И фильмы с Гордонами.
Такой нон-перфект,
Что можно уйти

Стерпится да слюбится, зарастет да слипнется.
Старая история. Берлиоз под липами.
Мне терпеть не можно! Я теперь хочу
Богово подножие – спин хребетный хруст,
Богово надгробие – крайнюю черту.
Кто и чье подобие – видно за версту.

Попытка быть спокойной

Равнина в зелених трескучих
Пасет познания злого мерина.
Нас грабли ничему не учат.
И я учиться не намерена.
В лугах альпийских сны без воплей
И грусть – без права стать черней.
Но я сама своею волей
Здесь остаюсь кормить червей.
И сразу по лбу шелк-пошелк,
Но заживет и эта шишка.
А если что стихов насчет,
То даже в них все слишком С ЛИШКОМ!
И даже меньшая из зол,
Как Северная, блин, Корея!
И мой очередной – козел!
А следующий – еще козлее!

Бессмертный полк

Солдат споткнулся и лежит.
Потом второй, десятый.
Так грудой дорогих костей
Похвастаться здесь может каждый.
Нет дома, где смогла б война
Прошаркать мимо.
Нет дома, где смерть не смогла
Прошамкать имя.

От наших песен есть ли толк,
От оттепели нашей вящей?
Не мы «ведем» бессмертный полк,
А он нас тащит
За оба белые крыла к родным погостам.
И отличать добро от зла
Костным.

Едва успокоюсь, едва оттаю
По этой теме немного –
Стук в дверь. Открываю – лезет башка:
«Вы верите в Бога?».
Ребята, чего так приперло вам
Идти в проповедники?
У нас уже был с Богом скандал
Один наемни.
Как славно, ребята, вам, веруя, жить
В своем божественном гетто.
А где-то полиция кружит,
И воет сирена где-то.
И где-то мадонна с разбитым лицом,
И сын на ней всю злость вымещает.
Она не верующая. Так. Ни о чем.
Прощает его. Прощает.
Старец молится до седин –
И всякий его уважает.
А вера – когда хотя бы один
В оркестре скрипач не слажает!
Но где он – предел? Никто б не хотел.
Жребий иудин.
Бог отразился, как в мутной воде,
В людях.

Линь, плыви в свою страну...

Линь, плыви в свою страну подлиннюю.
Мне же остается снова, снова
Площадью Гвардейцев шуровать на митинги
С красным шариком несказанного слова.

Линь, тебе живется как под этой каскою
февраля – без курева и радостей,
Где крючочка синего, а на крайняк и красного,
Не закинут близко к пропасти и пасти.

Дрейфовать по городу, как по морю,
Обходить настойчивых карасиков -
Как устала я тобою быть непойманною.
Ты мне, впрочем, тоже не поймался.

А во льду весна тебе мерещится и ландыши,
Снится, да не спится, путь твой долог в воды синие.
А у берега на пароходе треплется Карандышев
Флагом за не пОживших и не рожденных линей.

Маленький мой, скользкий мой, покладистый, укладистый,
До чужих морей тебе доплыть не хватит силы.
Если видишь ты меня насквозь, пускай украдкою,
Душу быть с чужими не насилуй.

Я б плыла с тобой – я и сама крою складного,
Просто надо воздух экономить. Беречь.
И сегодня мой швейцар в парадном у Парадного,
Видел мой серебряный плавник между плеч.

Литературно-художественное издание
«ОБРАЗ»

Главный редактор: Дмитрий Филиппенко
Редколлегия альманаха:
Дмитрий Мурзин (Кемерово)
Юлия Сливина (Ленинск-Кузнецкий)
Анна Самойлова (Барнаул)
Амарсана Улзытуев (Улан-Удэ)
Светлана Уланова (Полысаево)
Антон Метельков (Новосибирск)
Вероника Шелленберг (Омск)
Юрий Татаренко (Новосибирск)
Компьютерная вёрстка: Дмитрий Филиппенко
Корректор: Юлия Сливина
Автор проекта: Дмитрий Филиппенко
Ответственный за распространение альманаха:
Ирина Надирова

ББК 023

023 Сборник литературных произведений.–
Ленинск-Кузнецкий:

Литературный альманах «Образ», 2018. 106 стр. 023

Все произведения и материалы, опубликованные в альманахе, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах.

Воспроизведение публикаций альманаха в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается.

При перепечатке ссылка на альманах обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступаю в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Справки по e-mail: dimoet@yandex.ru

© Сборник литературных произведений, 2018

© Литературный альманах «Образ», 2018.

50 руб. 00 **цена**
коп.

